

Орсон Скотт Кард
Тень Эндера
Серия «Эндер Виггин»
Серия «Сага Теней», книга 1

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=123836
Кард О. С. Тень Эндера : роман: АСТ; СПб; 2015
ISBN 978-5-389-09897-8

Аннотация

История Боевой школы – это не только история тяжелой борьбы и победы Эндера Виггина. В этой школе не было заурядных учеников, туда отбирали лучших из лучших. И шансов попасть в военную элиту человечества было немного даже у очень выдающихся детей Земли. У малыша Боба, уличного бродяги из Роттердама, шансов не было вовсе. Но судьба сделала для него исключение и подарила ему возможность совершить во имя человечества подвиг едва ли менее великий, чем совершил его друг, хотя и не такой заметный в тени Эндера.

Содержание

Предисловие	5
Часть первая	7
1	7
2	15
3	27
4	37
Часть вторая	47
5	47
6	58
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Орсон Скотт Кард

Тень Эндера

Дику и Хэззи Браун, в чьем доме никогда и никто не оставался голодным и чьи сердца всегда распахнуты даже для незнакомца

Orson Scott Card

ENDER'S SHADOW

Copyright © 1999 by Orson Scott Card

All rights reserved

Публикуется с разрешения автора и его литературного агента Barbara Bova Literary Agency (США) при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия)

© Н. Штуцер (наследник), перевод, 2015

© В. Ковалевский (наследник), перевод, 2015

© В. Еклерис, иллюстрация на обложке, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

Предисловие

Строго говоря, «Тень Эндера» – это не продолжение предыдущей книги, так как описанные в ней события начинаются примерно в то же время, что и в «Игре Эндера», и заканчиваются одновременно с ними. Многие в этом романе повторяет сюжет «Игры». Фактически здесь рассказана та же история, но с точки зрения совсем другого действующего лица. Даже не знаю, как назвать такую книгу. Может, «сопутствующий роман»? Или «параллельный»? Возможно, «параллакс» окажется наиболее подходящим определением, если перенести этот научный термин в художественную литературу.

В идеале данная книга должна в равной степени понравиться и тем читателям, которым никогда не попадалась «Игра Эндера», и тем, кто перечитал «Игру» не один раз. Поскольку «Тень Эндера» – не продолжение, нет никакой необходимости знать что-либо из того, что произошло в «Игре», но не попало в «Тень». И все же, если мне удалось осуществить свой замысел, обе книги должны дополнять и обогащать друг друга. Какую из них ни читай первой, вторая все равно будет иметь самостоятельную ценность и собственные достоинства.

В течение нескольких лет я с интересом наблюдал, как «Игра Эндера» приобретает все большую популярность, в первую очередь среди читателей школьного возраста. Хотя этот роман и не был написан для детской аудитории, его приняли не только юные читатели, но и школьные учителя, которые даже сочли возможным использовать его на своих занятиях.

И меня нисколько не удивило то, что романы, продолжающие сериал («Говорящий От Имени Мертвых», «Ксеноцид», «Дети разума»), не нашли у молодой аудитории такого же признания.

Причина очевидна: сюжетная основа «Игры Эндера» связана прежде всего с ребенком, тогда как в продолжениях действуют преимущественно взрослые. Еще важнее то, что «Игра» – произведение героическое, приключенческое, тогда как продолжения написаны иначе: они менее динамичны, в них гораздо больше места занимают описания, они более рассудочны и идеологичны, что для юношеской аудитории представляет меньший интерес.

Однако не так давно я пришел к выводу, что временной разрыв в три тысячи лет между «Игрой» и ее продолжениями открывает большие перспективы для появления новых романов, более тесно связанных с оригиналом. Вообще-то, можно с достаточным основанием утверждать, что «Игра Эндера» продолжений вообще не имеет и что как раз остальные три книги образуют сериал, тогда как «Игра» стоит особняком.

Какое-то время я забавлялся с идеей открыть мир «Игры Эндера» для других писателей и даже зашел так далеко, что предложил автору, чьими книгами восхищаюсь, – Нилу Шустерману – рассмотреть возможность совместной работы по созданию нескольких романов о соучениках Эндера Виггина по Боевой школе. И в процессе наших бесед-обсуждений выяснилось, что наиболее перспективной фигурой является Боб – мальчик-солдат, которого Эндер начинает воспитывать по тем же канонам, которые применялись к нему самому его взрослыми учителями.

А затем произошло вот что: чем дольше мы говорили, тем сильнее разгоралось во мне чувство ревности – ведь может случиться, что эту книгу напишу не я, а Нил. В голове прочно засела мысль, что серия романов о «детюшках в космосе» (так несколько цинично я называл этот проект) может не остановиться на Бобе, а сам я за годы, прошедшие с опубликования «Игры» (1985), успел научиться кое-чему. Поэтому я, все же сохраняя надежду на будущее сотрудничество с Нилом, решил отозвать свое предложение и вернуть проект себе.

Вскоре я обнаружил, что писать новый роман гораздо труднее, чем я думал раньше, – ведь мне приходилось рассказывать старую историю, но совсем по-другому. Мешало то, что, хотя главный герой был уже другой, автор-то был тот же самый, с теми же самыми взглядами

на мир и его проблемы. В конечном счете помогло мне то, что за минувшие двенадцать лет я успел кое-что узнать, и это дало мне возможность не только по-иному взглянуть на весь проект в целом, но и привнести в него нечто новое. Обе книги создавались в одной голове, но немного разными разумами; обе впитали в себя воспоминания об одном и том же детстве, но эта память рассмотрена в разных ракурсах. Если для читателей параллакс опирается на Эндера и Боба, по-разному переживающих одни и те же события, то для автора он основан на двенадцатилетнем разрыве, на времени, за которое старшие мои дети успели вырасти, а младшие – родиться, за которое мир неузнаваемо изменился, а сам я узнал много нового о человеческой природе и тайнах писательского мастерства.

И вот вы держите в руках эту книгу. Удался ли автору этот литературный эксперимент – судить вам. С моей точки зрения, зачерпнуть воду дважды из одного и того же колодца стоило. Вкус ее изменился, и если даже вода и не превратилась в вино, то вкус все равно другой и подана она в ином сосуде.

Так что я надеюсь, что эта книга понравится вам не меньше, а может быть, и больше, чем первая.

*Гринсборо, Северная Каролина,
январь 1999 г.*

Часть первая Беспризорник

1

Проныра

– Вы полагаете, что у вас уже есть тот, кто вам нужен, и потому мою программу можно прикрыть?

– Нет, речь идет не о том мальчике, которого разыскал Графф. Мы говорим о низком качестве материала, который вы нам поставляли до сих пор.

– Мы заранее знали об ожидающих нас трудностях. Дети, с которыми я работаю, вынуждены вести жестокую борьбу за существование.

– От постоянного недоедания ваши дети умственно деградировали задолго до начала тестов. Они не способны создавать нормальные человеческие отношения, они так испорчены, что дня не могут прожить без того, чтобы не украсть, не разбить, не сломать что-нибудь.

– И все равно они обладают тем же потенциалом, что и все нормальные дети.

– А вот это и есть тот самый sentimentalный подход, который обесценивает ваш проект в глазах Межзвездного флота.

Проныра всегда была настороже. Предполагалось, что малышня тоже держит ушки на макушке, и они действительно обладали хорошей наблюдательностью, хотя частенько не замечали того, что следовало заметить, а значит, в случае опасности Проныра могла полагаться только на себя.

Опасностей, которых следовало бояться, было множество. К примеру – копы. Они возникали нечасто, но уж если появлялись, то казалось, их главнейшая задача – очистить улицы от детей. Они накидывались на несчастных бродяжек со своими магнитными бичами, нанося жестокие жгучие удары даже самым маленьким ребятишкам и обзывая их паразитами, воришками и чумой прекрасного города Роттердама. Обязанность Проныры в том и заключалась, чтобы издалека заметить суматоху, являющуюся признаком надвигающейся полицейской облавы. Тогда она свистом подавала сигнал тревоги, и малышня стремглав неслась в укрытия, где и пряталась до тех пор, пока опасность не оставалась позади.

Но копы появлялись не так уж часто. Настоящую опасность, причем постоянную, представляли ребята постарше. Проныра, которой исполнилось всего девять, была матриархом своей небольшой банды (кстати, никто из ее подопечных не был уверен наверняка в том, что она девочка), но это отнюдь не означало, что она ровня мальчишкам и девчонкам одиннадцати, двенадцати и тринадцати лет, которые наводили страх на улицы Роттердама. Конечно, взрослые – нищие, воры и проститутки – на малышню не обращали внимания, разве что иногда отвешивали пинка, чтобы те не путались под ногами. Но ребята постарше, которым такие пинки тоже доставались, были сильнее малышей, а потому смотрели на них как на законную добычу, за счет которой можно пожить. И каждый раз, когда банда Проныры находила что-нибудь – особенно если это был надежный источник мусора и объедков, что сулило возможность заработать несколько грошей или набить желудки, – ребятишкам приходилось быть настороже и прятать свою добычу, так как юные хулиганы с радостью отнимали у них те ничтожные запасы еды, которые малышне удавалось достать. Грабить мальков было куда безопаснее, нежели воровать в лавках или у прохожих. Кроме того, по мнению

Проныры, грабеж малышей доставлял хулиганам истинное наслаждение. Им нравилось унижать младших, нравилось бить их и под испуганные вопли отнимать скудное пропитание.

Так что, когда тщедушный ребенок, на вид не старше двух лет, с трудом влез на мусорный бак, стоявший на противоположной стороне улицы, бдительная Проныра его тут же засекла. Малышу грозила голодная смерть. Нет, больше того – он уже умирал от голода. Тонюсенькие ручки и ножки, суставы которых казались непропорционально большими. Вздувшийся животик. И если голод не убьет его в ближайшие же дни, он все равно погибнет от холода надвигающейся осени, так как одежонка у него худая, да и она расползается на тощем, крохотном тельце.

Даже странно, что Проныра уделила мальцу столько внимания. Но эта кроха глядела на нее совершенно осмысленно. Ребенок смотрел на окружающее каким-то необычайно пронизательным взглядом. Ничего похожего на ступор живого трупа, который уже и еды не ищет, которому даже не надо искать теплого местечка, чтобы прилечь и сделать последний глоток вонючего роттердамского воздуха. В конце концов, смерть в этом городе не так уж сильно отличается от жизни. Всем известно, что Роттердам если и не столица, то главный морской порт у врат ада. Единственная разница между жизнью в этом городе и пребыванием в аду заключается в том, что первая, будучи тоже проклятием, все же не вечная.

Малыш... Что он делает? Еду он не ищет. К прохожим не присматривается. Да и правильно делает – все равно никто малышу не подаст. А чего подавать-то, когда первый же встречный ребенок постарше тут же отнимет у него еду? Если эта кроха хочет выжить, пусть ползет за более взрослыми искателями объедков, пусть облизывает грязные обертки от выпечки, подбирает последние, не замеченные первооткрывателем крупинки сахара и муки. Этому малышу ничего тут на улице не светит.

Разве что его возьмет к себе какая-нибудь банда... Однако на банду Проныры он может не рассчитывать. Такой ей и с приплатой не нужен. На хрена ей этот бесполезный лишний рот, когда ее собственная малышня и без того еле держится на грани голодной смерти?

Видно, он собирается попрошайничать. Будет, стало быть, кланяться и хныкать. «Но такое нытье может подействовать только на богатых. А мне надо думать о собственной банде. Он чужак, и мне до него дела нет. Даже если он такой крошечный. Для меня его просто не существует».

Из-за угла вышли две двенадцатилетние проститутки, которые, вообще-то говоря, не были завсегдатаями этой улицы, и направились к Проныре. Она тихонько свистнула. Малышня тут же порскнула в стороны, но с улицы дети не ушли, только сделали вид, что друг с дружкой не знакомы.

Это, однако, не сработало. Шлюшки уже знали, что именно Проныра возглавляет здешнюю банду, а потому, схватив ее за руки, чуть ли не вбили в стену, требуя платы за «разрешение» работать здесь. Проныра была достаточно опытна, чтобы не заливать им насчет своего нищенского положения и отсутствия даже ломтика хлеба, которым можно было бы поделиться.

Она всегда старалась иметь что-нибудь в заначке для умиротворения голодных старших. А эти шлюхи, ясное дело, оголодали – это невооруженным глазом видно. Слишком тощие и «старые», чтобы привлекать внимание настоящих педофилов, промышляющих в окрестностях. Так что, пока они не нагуляют себе сиськи и не начнут нравиться менее порочной публике, им придется ограничиться осмотром мусорных ящиков да грабежом мелкоты. Их намерение поживиться за счет Проныры и малышей породило ярость в ее сердце, но откупиться было все же дешевле. Если ее изобьют до полусмерти, что станет с ее подчиненными? Поэтому она отвела обеих шлюх к одной из своих заначек и появилась перед ними, держа в руках бумажный пакет, где лежала половина сладкой булочки.

Булочка уже заплесневела, ибо не меньше двух дней пролежала в записке, дожидаясь именно такого случая. Шлюхи жадно схватили пакет, разодрали бумагу, и одна из них тут же откусила большую часть сдобы, даже не подумав отдать остаток своей компаньонке. Вернее сказать, своей бывшей подруге, ибо подобные действия обычно порождают разборки и драки.

Обе тотчас же вцепились друг дружке в волосы, выкрикивая ругательства и царапаясь грязными ногтями. Проныра пристально следила за ними, надеясь, что они все же уронят остаток булки, послуживший причиной ссоры. Как бы не так!

Сдоба отправилась в рот той же девчонки, которая слопала и первую порцию. Она же выиграла сражение, обратив соперницу в бегство.

Проныра обернулась и неожиданно обнаружила у себя за спиной того шибздика с мусорного ящика. Она чуть не упала, споткнувшись о него. Озлобленная тем, что хорошую еду пришлось отдать грязным шлюхам, она хорошенько наподдала под зад малышу, отчего тот покатился по земле.

– Нечего торчать за спиной человека, если не хочешь получить пинка! – оскалилась Проныра.

Он встал, не сводя с нее требовательного и чего-то ждущего взгляда.

– Ничего тебе, коротышка, не перепадет! – рявкнула Проныра. – Я для тебя изо рта моих ребят даже горошины не вытащу. Ты весь целиком и одного боба не стоишь!

Теперь, когда старшие ушли, банда Проныры стала постепенно подтягиваться обратно к жожаку.

– А зачем ты отдала им еду? – спросил мальчик. – Если она нужна тебе самой?

– Ах, извини-подвинься, – отозвалась Проныра. Сейчас она говорила громко, чтобы ее слышали остальные. – Неужели я имею честь беседовать со здешним боссом? И ты такой сильный и могучий, что без усилий можешь отстоять свою жратву?

– Я – нет, – ответил малыш. – Ведь я и горошины не стою, помнишь?

– Ага, я-то помню. Может, и тебе стоило бы вспомнить об этом и заткнуться?

Компашка Проныры заржала.

Не смеялся один малец.

– Тебе надо обзавестись своим личным громилой, – сказал он.

– Я не ищу себе громил, я от них избавляюсь, – ответила Проныра.

Болтовня мальчика раздражала, ведь он возражал ей, Проныре. Еще чуть-чуть – и придется сделать ему больно.

– Ты отдаешь еду хулиганам каждый день. Отдавай ее кому-то одному, и за это он будет отгонять от тебя всех остальных.

– Полагаешь, я никогда не думала об этом, дурачок? – сказала Проныра. – Но если я его куплю, то чем потом удержу при себе? Он же не захочет драться за нас.

– Не захочет – придется его убить, – ответил малец.

Этот дурацкий ответ привел Проныру в бешенство очевидной невозможностью воплотить такое решение и в то же время наличием какого-то скрытого смысла, постичь который она не могла. Она снова наподдала мальцу, и тот опять упал.

– А может, лучше сначала тебя пришить?

– Но ты же помнишь – я даже боба не стою. Убей одного громилу, а потом найми еще одного. Он будет сыт и наверняка станет тебя бояться.

На такое чудовищное утверждение у Проныры готового ответа не нашлось.

– Они же тебя объедают, – продолжал малыш. – Обгладывают до косточек. Поэтому одного из них придется убить. Сбей его на землю – они не такие уж и большие. А камнем можно расколоть любую голову.

– Меня от тебя просто тошнит, – буркнула она.

– Потому что это я придумал, а не ты.

Да он играет с собственной смертью, разговаривая так с Пронырой! Ведь даже если она его только покалечит, с ним будет покончено. И он наверняка это знает.

С другой стороны, смерть и так уже начала хозяйничать в этом крошечном тельце, под рваной рубашонкой. Кажется, еще теснее Костлявой к нему и не прижаться.

Проныра оглядела свою команду, но по их лицам было непонятно, кто что думает.

– Еще всякий шибздик будет указывать мне, кого надо убить, а кого нет!

– Пусть кто-нибудь поменьше зайдет ему со спины, а ты толкнешь громилу в грудь, так что он упадет, – ответил малец. – А вы припасете бульжники и кирпичи. Стукнешь его по голове. Как увидишь, что мозг течет, – дело сделано.

– А зачем мне мертвяк-то? – спросила Проныра. – Мне нужен громила, чтоб нас охранял. А мертвяк мне вроде и ни к чему.

Малец усмехнулся:

– Значит, моя идея тебе все же понравилась?

– Громилам нельзя доверять, – ответила она.

– Он будет охранять вас в благотворительной столовке, – сказал мальчик. – С ним вас туда пустят. – Он смотрел ей прямо в глаза, но говорил, обращаясь ко всем сразу. – Он вас всех туда проведет.

– Если малец войдет в столовку, старшие от него мокрого места не оставят, – вмешался Сержант.

Ему было восемь, и он считал себя первым заместителем Проныры. Вот только она не нуждалась ни в каких заместителях.

– У вас будет громила. Он вас защитит.

– Да разве он сможет остановить двух хулиганов? Или трех? – не поверил Сержант.

– Я ведь уже объяснял, как справляться с громилой, – вздохнул малец. – Он такой же, как вы, только чуть постарше. Сбиваешь его с ног. Потом пускаешь в ход камни. Надо просто подготовиться. Вы что, не умеете воевать? Тебя просто так зовут Сержантом?

– Хватит с ним болтать, Сарж, – вмешалась Проныра. – Не вижу смысла тратить время на треп с двухлетним мальцом.

– Мне уже четыре, – возразил тот.

– И как же тебя зовут? – спросила Проныра.

– Никак. Меня еще никто никак не называл, – ответил малец.

– То есть ты такой дурак, что даже имя свое забыл?

– Меня никогда никак не звали, – повторил малец.

Он смотрел ей прямо в глаза, все еще лежа на земле, а вокруг толпились ребята из банды.

– Ростом с боб... – задумчиво пробормотала Проныра.

– Ну, примерно, – отозвался мальчик.

– А что?! – воскликнул Сержант. – Боб и есть.

– Вот ты и получил свое имя, – решила Проныра. – А теперь мотай к себе, торчи на своем мусорном ящике, а я пока обдумаю твоё предложение.

– Мне надо поесть, – откликнулся Боб.

– Если я заполучу громилу и твой план сработает, может, тогда и тебе что-нибудь перепадет.

– Мне нужно поесть сейчас, – сказал он.

Впрочем, это она и сама видела. Проныра полезла в карман и достала оттуда шесть арахисовых орешков, припрятанных там на черный день. Боб сел, взял с ладони один и, осторожно положив в рот, стал медленно разжевывать.

– Бери! – нетерпеливо велела она.

Боб вытянул худенькую лапку. Очень хилую. Пальцы даже в кулак не сжимались.
– Не смогу удержать, – сказал он. – Не сжимается.

Проклятие! Она тратит замечательные орехи на мальчишку, который все равно вот-вот помрет.

Хотя его идея и правда заслуживает проверки, несмотря на всю свою нелепость. Это был первый план на ее памяти, который содержал хоть какую-то возможность улучшить их жизнь, возможность хоть что-то изменить в этом жалком существовании и не требовал от Проныры надевать женское платье и заниматься омерзительным женским ремеслом. И раз это *его* план, банда должна увидеть, что Проныра справедлива к Бобу. Только так и можно сохранить власть – босс должен быть справедливым.

И Проныра продолжала держать перед ним свою открытую ладонь с арахисом, пока Боб не сжевал все шесть орешков – один за другим.

Проглотив последний, малец снова долгим и пристальным взором впился в ее глаза, а потом сказал:

– Все-таки ты лучше готовься убить его.

– Мне он нужен живым.

– Но будь готова его убить, если он окажется не тем, кто нужен.

Сказав это, Боб заковылял через улицу к своему мусорному ящику, с трудом на него вскарабкался и стал смотреть по сторонам.

– Врешь ты все! Нет тебе четырех! – крикнул Сержант через улицу.

– Мне четыре, только я очень маленький, – ответил Боб.

Проныра сказала Сержанту заткнуться, и они отправились за камнями, кирпичами и кусками арматуры. Если назревает война, пусть даже небольшая, лучше встретить ее во всеоружии.

Бобу не нравилось его новое имя, но все же это было имя, а наличие имени подразумевало, что еще кому-то известно, кто он такой, и этот кто-то при необходимости мог его окликнуть, что было славно само по себе. И шесть арахисовых орешков – тоже славно. Он почти забыл, что такое еда и как с ней обращаться. Процесс жевания оказался довольно болезненным.

Впрочем, смотреть на то, как Проныра уродует его план, тоже было больно. Боб выбрал ее не потому, что она была самым умным вожаком банды во всем Роттердаме. Скорее уж наоборот. Из-за плохого руководства ее подопечные едва выживали. К тому же Проныра слишком эмоциональна. Ей не хватает мозгов, чтобы обеспечить хорошее питание даже себе самой, но банда ее любила. Вот только со стороны Проныры не выглядела боссом. Так что результаты ее руководства вряд ли назовешь впечатляющими.

Если бы Проныра делала свою работу как надо, она вообще никогда не стала бы слушать Боба. Она бы его и на пушечный выстрел не подпустила к себе. А если бы и выслушала и даже оценила идею, то тут же отделалась бы от него. Таковы уж законы улицы. Проныра слишком добра, чтобы прожить долго. Именно на ее доброту Боб и делал ставку. И этой доброты он сейчас опасался больше всего.

Все это время Боб внимательно вглядывался в прохожих, а его крошечное тельце тратило последние силы на тревогу за исход столь хорошо начатого дела. Боб и без того отдал ему уйму драгоценного времени. Сначала он долго наблюдал за поведением детей на улицах, следил, как они воруют друг у друга, как вырывают еду из глоток более слабых, как залезают в чужие карманы, как продают свои тела, если на них находятся покупатели.

Потом он обдумывал проблему, как улучшить положение, если за дело возьмется человек с мозгами. Правда, своим выводам он доверял не полностью. Боб был уверен, что существует еще что-то, пока ускользающее от его понимания. Поэтому он старался узнать как

можно больше. Он научился читать, потому что хотел знать, что означают закорючки на фургонах, лавках, вагонах и мусорных ящиках. Он даже немножко освоил голландский язык, а также всеобщий язык Межзвездного флота, чтобы лучше понимать происходящее вокруг. Всем этим занятиям мешало чувство постоянного голода, отвлекавшее Боба от дела. Наверняка он мог бы лучше обеспечивать себя едой, если бы не тратил столько времени и сил на то, чтобы глубже понять людей. Но в один прекрасный день его осенило: он их знает. Больше того, он знал их с самого начала. Не было в них никаких тайн, не было ничего такого, чего Боб не понимал лишь потому, что еще слишком маленький. А причина тому, что уличные дети действовали столь глупо, была только одна: они просто дураки.

Они глупы, а он умен. Так почему же он умирает с голоду, тогда как они продолжают жить? И тогда Боб решил действовать. Тогда-то он и выбрал Проныру из всех вожаков банд. И вот теперь он сидит на мусорном ящике и смотрит, как она губит его прекрасный план.

Начала она с того, что выбрала не того хулигана. Ей нужен был парень, который одним своим видом наводил бы страх. Ей надо было отыскать кого-то большого, глупого, жестокого, но управляемого. А Проныра вообразила, что лучше всего ей подойдет кто-то поменьше. Глупо! Ах как глупо!

Боб едва сдержался, чтобы не накричать на нее, когда увидел, кого она привела. Это был хулиган, который звал себя Ахиллом – в честь одного из героев комиксов. Он был мал ростом, жесток, хитер и ловок, но с искалеченной ногой. Проныра, видите ли, решила, что такого будет легче завалить. Дура! Идея же не в том, легче сбить с ног или труднее, – в первый раз с ног можно сбить кого угодно, ведь этого никто не ждет. Надо было искать такого, который, будучи сбитым, останется лежать!

Но Боб ничего не сказал. Не хотел, чтобы Проныра на него обозлилась. Посмотрим, что будет. Посмотрим, каким станет Ахилл после того, как его избьют. Тогда она сама увидит, что сделала неправильный выбор, и ей придется убить Ахилла, спрятать его труп и найти себе нового громилу, прежде чем разнесется слух, что какая-то малышовая банда убивает старших.

Вот и Ахилл. Шагает вразвалочку... Впрочем, возможно, эту походку он выработал из-за больной ноги... А Проныра явно переигрывает, стараясь казаться испуганной и готовой в любой момент сделать ноги. Плохо дело, подумал Боб. Надо вести себя нормально, как всегда в подобных ситуациях. Дура! Потому-то Ахилл и озирается по сторонам. Он настороже. Так, вот она рассказывает ему про свою заначку... здесь все правильно... и пытается завести в ловушку, в проулок... Но нет, он пятится! Осторожничает. Значит, ничего не выйдет.

Нет, получилось! Получилось из-за его хромой ноги. Ахилл увидел ловушку, но из нее уже не вырваться, двое ребятшек подобрались к нему сзади, со стороны больной ноги. Проныра и Сержант сильно толкают его в грудь, он падает навзничь. И вот уже обломки кирпичей обрушиваются на Ахилла, на его хромую ногу. Их швыряют с силой – малышня хорошо справляется со своим делом. Они-то соображают, даром что сама Проныра – дура. Да, здорово. Ахилл напуган, ему кажется, что сейчас его убьют.

Боб уже слез со своего ящика. Он тоже прошмыгнул в проулок, чтобы ничего не пропустить. Но сквозь толпу мало чего увидишь. Он пробивается сквозь ряды, малышня – все они куда старше его – пропускает Боба. Они ведь его узнали, он имеет право видеть все. Боб останавливается рядом с головой Ахилла.

Над поверженным стоит Проныра, держа в руках большой обломок шлакоблока.

– Ты должен провести нас в столовку, – говорит она. – И там ты будешь нас защищать.

– Конечно, конечно, я с радостью, клянусь...

Не верь. Загляни ему в глаза, убедись сначала, что в них отражается слабость..

– За это, Ахилл, ты получишь много еды. И получишь мою банду. У нас будет еда, мы накопим сил и еще лучше будем кормить тебя. Тебе нужна своя банда. Другие старшие

попробуют тебя убрать – мы их знаем! – но благодаря нам плевать ты на них хотел. Ты сам видишь, на что мы способны. Мы – армия.

О'кей, он начинает соображать. Идея и правда хороша, а он не глуп, так что постепенно проникается ею.

– Если ты такая хитрая, Проныра, чего ж не сделала этого раньше?

Ей нечего ответить. Она молча скашивает глаза на Боба. Взгляд беглый, но Ахилл его успеваает заметить. Бобу ясно, о чем тот думает. Его мысли так очевидны.

– Убей его, – говорит Боб.

– Не будь идиотом, – отвечает Проныра. – Он согласен.

– Верно, – подтверждает Ахилл. – Я согласен. План хорош.

– Убей его, – стоит Боб на своем. – Если ты его не убьешь, он убьет тебя.

– И ты позволяешь этому ходячему дерьмецу портить воздух? – говорит Ахилл.

– Вопрос простой: твоя жизнь или его, – не отстаёт Боб. – Убей его и подыщи другого.

– У другого не будет хромой ноги, – убеждает Ахилл. – Другой не будет в вас нуждаться.

А мне вы нужны. Я согласен. Я тот, кто вам нужен. В этом есть смысл.

Возможно, предостережение Боба все же дошло до Проныры. Она колеблется.

– А тебе не кажется, что потом тебе будет запахло возиться с кучей малышни? В твоей-то банде?

– Это *твоя* банда, а не моя, – отвечает Ахилл.

«Лжец, – думает Боб. – Неужели она не видит, что он все время врет?»

– А для меня, – продолжал Ахилл, – это семья. Они мои младшие братишки и сестренки. И я обязан заботиться о своей семье, не так ли?

И тут Боб понял, что Ахилл выиграл. Он крутой старший, но он назвал этих малышей своими братьями и сестрами. В их глазах Боб увидел голод. Не обычный голод, вызванный пустым желудком, а глубинную голодную тоску по семье и любви, по ласке и родным. Кое-что из этого малыши обрели в банде Проныры, но Ахилл пообещал им гораздо больше. Он побил козырную карту Проныры. Теперь убивать его уже нельзя.

Убивать его было слишком поздно, но на какое-то мгновение Бобу показалось, что Проныра все же решила прикончить Ахилла. И ей бы хватило дурости. Она уже подняла свой шлакоблок, готовясь обрушить его на голову старшего.

– Нет, – сказал Боб. – Нельзя. Теперь он член семьи.

Она опустила камень на уровень живота. Медленно повернулась и уставилась на Боба.

– А ты убирайся отсюда! – рявкнула она. – Ты вообще не из наших. И ничего тебе тут не светит.

– Нет, – возразил Ахилл. – Прогонишь его – тебе и меня придется убить.

О, прозвучало это очень смело. Но Боб знал, что храбростью Ахилл не отличается. Зато он весьма хитер. Он уже победил. И то обстоятельство, что Ахилл все еще валяется на земле, а Проныра держит камень, ровно ничего не значит. С Пронырой покончено. Очень скоро это поймут и другие, а не только Боб и Ахилл. А сейчас идет проверка, кто же здесь реальный хозяин, и эту проверку Ахилл намерен тоже выиграть.

– Этот малец, может, и не член твоей банды, но он член моей семьи. И ты не имеешь права говорить моему братишке, чтобы он убирался прочь.

Проныра замешкалась. На мгновение. А потом еще на мгновение. Этого хватило, чтобы все решилось.

Ахилл сел. Потрогал свои ссадины. Погладил шишки. С шутовским восхищением оглядел ребят, только что швырявших в него камни.

– Ну вы и сукины дети!

Они опасно захихикали. Они причинили ему боль, и теперь он причинит боль им?

– Не бойтесь, – сказал Ахилл. – Вы просто показали мне, на что способны. Нам ведь придется расправиться еще с парой-другой старших, и вы это знаете. И мне нужно было понять, справитесь ли вы с этим. Молодцы! Вот тебя как звать?

Обращаясь к каждому по очереди, Ахилл узнавал имена, запоминал их, а если пропускал кого-то, то долго извинялся, делая вид, что очень старается все запомнить. Пятнадцать минут спустя все уже были в него влюблены.

«Если он способен на такое, – думал Боб, – если он так легко добивается людской любви, почему он не использовал это раньше?»

Потому что эти маленькие дурачки смотрят на силу снизу вверх. А люди, которые стоят выше тебя, – они никогда не будут делиться с тобой своей властью. Что толку заглядываться на них? Они тебе все равно ничего не дадут. Зато люди, которые стоят ниже тебя, если ты подаришь им надежду, сделаешь вид, что уважаешь их, – они в ответ подарят тебе силу, причем охотно, ибо им невдомек, что она у них есть.

Пошатываясь, Ахилл поднялся; видно, его хромой ноге сильно досталось. Все расступились, давая ему место. Если бы он захотел, то мог бы уйти. Уйти и не вернуться. Или вернуться сюда еще с несколькими старшими и жестоко наказать обидчиков. Он постоял, а потом сунул руку в карман и вынул оттуда удивительную вещь. Изюм. Целую пригоршню изюмин. Дети смотрели на протянутую руку так, будто прямо посреди ладони у него вырос ноготь.

– Сначала самым маленьким братишкам и сестренкам, – сказал Ахилл. – Ну-ка, самый маленький, выходи! – Поглядев на Боба, он добавил: – Ты!

– Нет, не он, – пискнул мальчишка, который был лишь чуточку больше Боба. – Мы его даже не знаем.

– Это ведь Боб... Это ведь он хотел убить тебя, – добавил другой.

– Боб, – сказал Ахилл, – но ведь ты всего-навсего хотел стать членом моей семьи, верно?

– Да, – отозвался Боб.

– Хочешь изюма?

Тот кивнул.

– Тогда ты первый. Это ведь ты свел нас всех вместе?

Ахилл или убьет его, или не убьет. В данный момент значение имел только изюм. Боб взял изюмину. Положил ее в рот. Он не стал ее грызть. Просто дал слюне размягчить ягоду и долго наслаждался ее вкусом.

– Знаешь, – сказал ему Ахилл, – сколько ни держи изюм во рту, обратно виноградом он не станет.

– А виноград – это что?

Увидев, что Боб так и не решается прожевать изюмину, Ахилл рассмеялся. А потом стал раздавать изюм остальным. Проныра никогда не угощала их столь щедро – просто потому, что у нее самой ничего не было. Но малышня-то этого не понимала. Проныра кормила их всяким мусором, думали они, а Ахилл угощает сладким изюмом. Они думали так не со зла – просто потому, что были маленькими и глупыми.

2 Столовка

– Я знаю, что вы весьма тщательно обследовали наш район и, полагаю, почти закончили с Роттердамом, но в последнее время, то есть уже после вашего отъезда, тут кое-что начало происходить... Не знаю, важно ли это... Даже не знаю, следовало ли мне звонить...

– Говорите, я слушаю.

– Видите ли, драки в очереди за едой совсем не редкость. Мы стараемся их предотвращать, но у нас так мало добровольцев, да и те заняты поддержанием порядка в самой столовой... ну и еще, конечно, раздачей еды. Нам известно, что дети поменьше не могут получить даже место в очереди, так как старшие их оттуда вышвыривают. И если нам как-то удастся справиться с хулиганами в самом помещении столовой и впустить малышей внутрь, то потом на выходе старшие их избивают и больше мы этих маленьких никогда не видим. Ужасно, не правда ли?

– Выживают лишь наиболее приспособленные.

– Или самые жестокие. А ведь считают, что цивилизованность должна прогрессировать.

– Так это вы цивилизуетесь, а они – нет.

– Ну вот, кое-что изменилось. Внезапно. Буквально за последние дни. Понятия не имею почему. Но я... Вы говорили, что если появится что-то необычное, кто бы за этим ни стоял... Так вот, даже не знаю... А не может ли цивилизованность возникнуть сама собой – среди этих детей, живущих в городских джунглях?

– Именно в таких трущобах и зарождаются ростки цивилизации. Впрочем, мои дела в Делфте завершены. Здесь никого не нашлось. И от местных столовок меня уже тошнит.

Следующие несколько недель Боб держался тише воды ниже травы. Предложить ему было нечего – его лучший план находился теперь в чужих руках. И Боб знал: благодарность – вещь крайне непрочная. Он мал, ест совсем немного, но если он начнет постоянно возникать и путаться под ногами, будет раздражать остальных своей болтовней, то вскоре его станут лишать еды – уже не ради забавы, а в надежде, что он или умрет, или уберется куда-нибудь подальше.

Боб чувствовал, что глаза Ахилла все чаще и чаще останавливаются на нем. Что ж, если Ахилл его убьет, так тому и быть. Все равно его от смерти отделяют каких-нибудь двое суток. Значит, план не сработал, а поскольку других идей у него не было, не так уж и важно, что из этого плана ничего хорошего не вышло. Если Ахилл запомнил, как Боб убеждал Проньру убить его, а он, конечно, это запомнил и теперь обдумывает, где и каким образом убить Боба, то предотвратить это уже нельзя.

Пресмыкаться нет смысла. Это сочтут проявлением слабости, а Боб не раз был свидетелем того, как хулиганы (а Ахилл – хулиган по зову сердца) особенно злобно измывались над теми, кто неосторожно показал свою слабинку. Не поможет ему и какой-нибудь новый хитроумный план. Во-первых, потому, что такого плана у Боба нет, а во-вторых, Ахилл примет его за вызов своему авторитету. И другие члены банды тоже этому не обрадуются – сочтут, что он выпендривается, хочет показать, будто мозги есть только у него. Они уже и без того ненавидят Боба за то, что именно он предложил план, изменивший их жизнь.

А жизнь поменялась круто. Уже следующим утром Ахилл отправил Сержанта занять место в очереди в Хельгину столовку на Аэрт-ван-Несстраат, потому что, как он выразился, раз уж им все равно придется терпеть побои, лучше пусть это будет после того, как они получат самую лучшую бесплатную жратву во всем Роттердаме.

Он, конечно, пугал их, но все же заставил весь вечер репетировать каждое движение, отрабатывая элементы взаимодействия, чтобы они не выдали своих намерений слишком рано, как это случилось, когда они напали на него самого. И эти тренировки подарили уверенность. Ахилл говорил: «Вот этого от нас будут ждать» – или: «А тогда они поступят вот так», и, поскольку он сам был хулиганом, дети верили ему так, как никогда не верили Проньре.

Проньра же, будучи дурой, продолжала корчить из себя вожака банды: мол, Ахиллу она только проведение тренировок доверила. Боб даже восхитился Ахиллом, который никогда с ней не спорил, просто делал по-своему, и все. Он не боролся за власть. Просто действовал так, будто уже победил. А поскольку дети ему беспрекословно подчинялись, значит он и вправду победил.

Очередь к Хельгиной столовке выстраивалась очень рано. Ахилл внимательно смотрел на то, как хулиганы, прибывшие позже, распределяют между собой места согласно неписаной иерархии, так сказать, «по чести». Боб очень старался понять, чем руководствуется Ахилл, выбирая того хулигана, с которым Сержанту предстояло затеять драку. Тот должен был быть не самым слабосильным: если побить слабого, дальше им придется ежедневно доказывать свою силу. И конечно, не стоит сразу связываться с самыми сильными. Пока Сержант шел через улицу к очереди, Боб размышлял над тем, чем же выделяется хулиган, которого выбрал Ахилл. И наконец понял: это самый сильный из хулиганов-одиночек, то есть из тех, у кого нет союзников.

«Цель» выглядела крупной и весьма опасной, так что, если мальцы его изобьют, победа будет славной. Парень ни с кем не разговаривал и ни с кем не здоровался. На этой территории он был чужаком, и некоторые местные громилы уже бросали на него мрачные взгляды, пытаясь оценить его силу. Так что драка все равно рано или поздно случилась бы, даже если бы Ахилл не выбрал именно эту очередь за супом и именно этого чужака.

Сержант был абсолютно спокоен. Он нахально влез в очередь прямо перед носом намеченной жертвы. Несколько мгновений старший стоял, ошеломленно глядя на Сержанта, будто не веря своим глазам. Разумеется, сейчас несчастный малец с ужасом обнаружит свою ошибку и убежит. Но Сержант сделал вид, что просто не замечает жертву.

– Эй! – окликнула жертва и с силой толкнула Сержанта.

Судя по направлению толчка, Сержант должен был вылететь из очереди. Но, как приказал ему Ахилл, он как бы случайно отставил ногу и потому полетел прямо вперед, сильно ударив хулигана, стоявшего перед ним, хотя толкали его вовсе не в том направлении.

Повернувшись, старший зарычал было на Сержанта, но тот сразу нажаловался:

– Это он меня пихнул!

– Это он нарочно влетел в тебя, – заявила жертва.

– Неужели я такой идиот? – хмыкнул Сержант.

Передний хулиган тщательно оглядел жертву. Чужак. Сильный, но начистить морду можно.

– Не зарывайся, костлявый.

Такая кличка промеж хулиганья считалась оскорблением, ибо содержала намек на физическую слабость и неприспособленность.

– Сам не зарывайся!

Пока шла эта словесная перепалка, к Сержанту, который, рискуя жизнью и здоровьем, торчал между двумя хулиганами, приблизился Ахилл с группой специально отобранных малышей. Двое самых маленьких прошмыгнули сквозь очередь и встали у стены так, чтобы будущая жертва не могла их засечь. И тут Ахилл тоже вступил в свару:

– Какого черта ты вытворяешь, ты, измазанная дерьмом подтирка?! Я послал своего парня занять мне место в очереди, а ты его пихаешь?! Наезжаешь на моего друга?!

Конечно, никакими «друганами» они не были. Ахилл принадлежал к самой низкой касте в этой части Роттердама и всегда занимал одно из последних мест в очереди. Но чужаку этого не знал, а времени на выяснение подобных деталей уже не было. Потому что, когда чужак повернулся к Ахиллу, малыши, стоявшие позади и сбоку от него, сразу отклеились от стенки и вцепились ему в ноги. Обычного в таких случаях обмена ругательствами и тычками не последовало – драка началась сразу. Начал ее Ахилл и тут же закончил с необычайной жестокостью. Он с силой ударил противника в грудь, тот споткнулся о малышей и рухнул на спину, больно ударившись головой о камни мостовой. Там он и валялся оглушенный, тупо моргая глазами, а двое ребятишек тем временем поднесли Ахиллу два больших булыжника. Ахилл швырнул их один за другим прямо на грудь врага. Боб слышал, как затрещали, словно сухие сучья, ломающиеся ребра.

Ахилл схватил лежащего за рубашку и вытащил его на середину улицы. Тот стонал и даже пытался сопротивляться, но потом потерял сознание.

Стоящие в очереди попятились. Это было нарушение существовавшего протокола. Обычно хулиганы выясняли отношения друг с другом в укромных тупичках и переулках, причем стараясь не наносить противнику серьезных повреждений. Они дрались ради подтверждения своего статуса, и, когда цель была достигнута, драка сразу кончалась. Ну а применение булыжников вообще было новшеством, равно как и сломанные ребра. Все испугались не потому, что Ахилл был страшен на вид, а потому, что он нарушил обычай и сделал это открыто – на глазах у всех.

В ту же секунду Ахилл подал Проньре сигнал подвести остальных малышей и заполнить разрыв в очереди. Сам же он ковылял взад и вперед вдоль очереди и орал во весь голос:

– Можете меня презирать, хрен с вами! Пусть я калека, пусть я жалкий хромым, который еле-еле стоит на ногах! Но я не позволю вам толкать моих детей! И не вздумайте гнать их из этой очереди! Слышите! Потому как, если вы выкинете такую штуку, из-за угла обязательно вылетит какой-нибудь грузовик, который сшибет вас с ног и переломает вам кости точно так же, как это случилось вон с тем недоноском! Только вам ведь можно и голову проломить, да еще так, что мозги размажутся по всей мостовой! Берегитесь грузовиков вроде того, что сшиб этого парня с дерьмом вместо мозговых извилин, и сшиб прямо у дверей моей столовки!

Это был уже вызов. Надо ж, *моя* столовка! И Ахилл ничего не стыдится, ничуть не смущен. Он продолжает выпендриваться, быстро ковыляя вдоль очереди, заглядывая прямо в глаза громилам, как бы вызывая их на новый скандал. А по другую сторону очереди за ним следуют двое маленьких пацанов – тех самых, что помогли свалить чужака, а рядом с Ахиллом идет Сержант, радостный и довольный. Они прямо-таки излучают уверенность, тогда как удивленные хулиганы бросают через плечо осторожные взгляды: что там за малышня вертится у них за спиной?

И все это совсем не похоже на пустую похвальбу и глупые разговоры. Когда один из хулиганов осмеливается пробормотать себе под нос какую-то угрозу, Ахилл мгновенно подавляет бунт. Правда, поскольку он все спланировал загодя, он нападает не на ворчащего – ведь тот готов к драке, сам на нее нарывается, – а на парня, который стоит рядом. Малыши кидаются на его ноги, и Ахилл бьет новую жертву в грудь, вопя на пределе своих голосовых связей:

– Ты чего скалишься, сволочь?!

В руке у него сразу появляется булыжник, он стоит над поверженным хулиганом, но удара не наносит.

– Убирайся в конец очереди, болван! И скажи спасибо, что я разрешаю тебе пожрать в моей столовке!

Происшествие изрядно напугало ворчуна, ибо хулиган, которого Ахилл повалил и мог искалечить, был всего лишь на одну ступеньку ниже его по статусу. Самого ворчуна никто не бил, никто ему не угрожал, но победу у него из рук вырвали бескровно.

Дверь столовки открывается, и Ахилл уже тут как тут – рядом с женщиной, открывшей дверь. Он улыбается и общается с ней как со старой знакомой.

– Спасибо, что кормите нас сегодня, – говорит. – Я буду есть последним в очереди. Благодарю вас от имени всех моих друзей. И особая благодарность за то, что вы покормите мою семью.

Женщина, стоящая в дверях, отлично разбирается в законах улицы. Знает она и Ахилла и потому чувствует, что тут происходит нечто странное. Ахилл всегда ел последним в группе старших ребят и держался очень приниженно. Однако его фамильярность не успевает вызвать у женщины раздражение, ведь к дверям подходят первые ребяташки из банды Проныры.

– А вот и моя семья, – гордо сообщает Ахилл, пропуская ребят внутрь столовой. – Позаботьтесь о моих детках хорошенько.

Он даже Проныру называет своим ребенком! Она, возможно, и сочла себя униженной, но ничего не сказала.

Все, о чем она сейчас думает, так это о чуде – она стоит в заветной столовой, где кормят супом! Их план сработал!

Думала ли она о плане как о своем или как о плане Боба – значения не имело. Особенно для самого Боба. И особенно после того, как он сунул в рот первую ложку дивного супа.

Он ел медленно, крошечными глотками, сдерживаясь изо всех сил. И все же суп кончился слишком быстро, куда быстрее, чем можно было ожидать. Неужели все? И как он умудрился пролить столько драгоценной влаги на свою рубашку?

Он быстро сунул за пазуху кусок хлеба и пошел к двери. Спрятать хлеб и уходить – идея Ахилла, и очень хорошая. Кое-кто из хулиганов, сидящих сейчас в столовке, может потребовать свою долю. Вид малышни, лопающей суп, способен вызвать у них недовольство. Потом-то они привыкнут, обещал Ахилл, но сегодня первый день, и очень важно, чтобы маленькие удрали из столовки, пока хулиганы еще едят.

Когда Боб подошел к выходу, очередь еще не закончилась и Ахилл стоял у дверей на стреме, болтая с той женщиной о печальном инциденте, который произошел на улице. Видимо, «скорая» уже приезжала и увезла раненого, поскольку стонов слышно не было.

– А ведь это мог быть кто-нибудь из малышни, – разливался Ахилл. – Надо бы тут полицейского поставить, чтоб следил за транспортом. Там, где стоят полицейские, задиры себе такого не позволяют, знаете ли.

Женщина с ним охотно соглашалась:

– Совершенно ужасный случай! Говорят, у него переломана половина ребер, причем, похоже, проткнуто легкое. – Она, очевидно, сильно переживала происшествие, и пальцы у нее дрожали.

– Очередь начинает выстраиваться еще затемно. Время опасное, так нельзя ли наладить здесь освещение? Мне приходится думать о своих детях, – продолжал Ахилл. – Неужели вы не желаете им добра? Или я обречен быть единственным, кому небезразлична их судьба?

Женщина что-то пробормотала насчет денег и того, как скромно бюджет их благотворительной столовой.

Между тем Проныра пересчитывала детей на выходе, а Сержант выпроваживал их на улицу.

Боб понял, что Ахилл пытается убедить взрослых подумать об организации системы защиты малышей в очереди, и решил продемонстрировать, что и он может чем-то помочь. Так как женщина была настроена благожелательно, а Боб – самый крошечный из детей,

он знал, что обладает над ней определенной властью. Боб подошел к женщине и тихонько подергал ее шерстяную юбку.

– Спасибо, что присмотрели за нами, – пропищал он. – Я впервые в жизни был в настоящей столовой. Папа Ахилл сказал нам, что вы будете защищать нас, чтобы мы – самые маленькие – могли быть сытыми каждый день.

– Ах ты, бедняжка! Нет, вы только поглядите на него! – Слезы ручьем потекли по ее щекам. – Ах ты, мой милый! – И она крепко обняла Боба.

Ахилл смотрел и улыбался.

– Приходится за ними присматривать, – сказал он тихо. – Я обязан сделать их жизнь хоть немного лучше.

А потом он увел свою семью, которую теперь уж никак нельзя было назвать бандой Проныры. Увел прочь от столовки Хельги, и они послушно тянулись за ним цепочкой. Так продолжалось, пока они не завернули за угол дома. И тогда они, по-прежнему держась за руки, помчались со всех ног прочь. Сейчас главное было – как можно дальше удрать от Хельгиной столовки. Весь оставшийся день им придется прятаться. Хулиганье, разбившись на тройки и двойки, наверняка прочешет окрестности в поисках обнаглевшей малышни.

Но теперь вполне можно было побездельничать, ведь вечная нужда в еде временно отпала. Похлебка дала куда больше калорий, чем малыши получали обычно, к тому же у них еще оставался хлеб.

Конечно, им предстояло уплатить с этого хлеба свой первый налог, предназначавшийся Ахиллу, который похлебки так и не получил. Каждый ребенок почтительно протягивал свой ломоть новому папе, тот откусывал кусок, медленно прожевывал, а потом возвращал ломоть владельцу.

Ритуал затянулся надолго. Ахилл откусил от каждого ломтя, кроме двух – Проныры и Боба.

– Спасибо, – сказала Проныра.

Она была так глупа, что приняла поступок Ахилла за проявление уважения. Но Боб отлично понимал, что происходит. Отказавшись от их хлеба, Ахилл как бы ставил их вне семьи. «Нам конец», – подумал Боб.

Вот почему Боб старался держаться в тени, вот почему он прикусил язык и следующие несколько недель вообще не высывался. Кроме того, он взял за правило не оставаться в одиночестве и постоянно быть возле кого-то из детей.

Но к Проныре он не лип. Не хотел, чтобы остальные запомнили его вертящимся вокруг нее.

Со следующего утра у двери Хельгиной столовки уже стоял взрослый сотрудник, а на третий день над дверью зажгли электрическую лампочку. К концу недели сотрудника сменил здоровенный коп. Однако и в этих условиях Ахилл никогда не выводил свою семью из укрытия раньше, чем у дверей появлялся кто-то из взрослых. Тогда Ахилл громко выражал благодарность тому старшему, который стоял в очереди первым, – якобы тот занял место в очереди для малышей да и вообще присматривает за ними.

Ребятишки нервничали, видя, какие взгляды бросают на них старшие. Правда, под прищуром стражей порядка старшим приходилось держать себя в руках, но в их мозгах явно зрели мысли об убийстве.

И легче не становилось – старшие не желали привыкать к новой ситуации, несмотря на разглагольствования Ахилла, дескать, все обязательно наладится. Так что, хотя Боб и решил оставаться незаметным, он понял: надо срочно что-то предпринять, как-то отвлечь хулиганов от пожирающей их ненависти. Ведь Ахилл ничего такого делать не собирался, поскольку считал, что война кончена и победа уже досталась ему.

Поэтому одним ранним утром, подойдя к столовке, Боб специально постарался оказаться в очереди последним. Обычно стайку малышей замыкала Проныра. Таким образом она как бы показывала, что играет важную роль в процессе сопровождения младших в столовку. Боб же ухитрился влезть сразу за ней, прямо перед сторающим от злобы старшим, который раньше был в очереди самым первым.

Приблизившись к дверям, возле которых стояли светящиеся от гордости Ахилл и работница столовой, Боб повернулся к громиле позади и очень громко спросил:

– А где твои дети? Почему ты не водишь их в эту столовку?

Старший хотел было ответить ему какой-то похабщиной, но женщина у дверей выжидающе вскинула брови.

– Значит, ты тоже присматриваешь за какими-то малышами? – спросила она, явно считывая на утвердительный ответ.

Как бы ни был глуп этот громила, он знал: со взрослыми, ведающими распределением еды, лучше дружить. А потому ответил:

– Еще бы, конечно!

– Что ж, приводи их сюда, как это делает папа Ахилл. Мы с радостью принимаем малышей.

– Самых маленьких они тут пускают в столовку первыми, – пискнул Боб.

– Отличная мысль, – подхватила женщина. – Надо сделать это правилом. Ну а теперь пора начинать. Мы задерживаем детишек, а они жутко проголодались.

Проходя в столовую, Боб даже не взглянул на Ахилла.

Позднее, уже после завтрака, когда они выполняли ритуал подношения хлеба Ахиллу, Боб снова попытался протянуть ему свой ломоть, хотя тут и присутствовала опасность напомнить остальным, что Ахилл никогда раньше не брал у него из рук пищу. Но сегодня, когда Боб проявил ум и смелость, ему надо было выяснить отношение Ахилла к себе.

– Если все начнут таскать сюда малышня, нам никакой похлебки не хватит, – холодно бросил Ахилл. Его глаза не выражали ровно ничего, что само по себе можно было считать дурным предзнаменованием.

– Если все они станут такими же, как ты, папами, нас никто не будет стремиться убить, – возразил Боб.

При этих словах глаза Ахилла немного оттаяли. Он протянул руку и взял ломоть Боба. Надкусил корку и оторвал ее чуть ли не целиком. Почти половину ломтя. Потом сунул ее в рот, медленно разжевал и только тогда вернул остатки хлеба Бобу.

В результате Боб в тот день остался голодным, но дело того стоило. Происшедшее вовсе не означало, что Ахилл раздумал его убивать, зато он больше не отделял его от остальных. Что же до хлеба... если говорить по правде, раньше о таком количестве еды Боб и мечтать не мог – это была его недельная норма.

Боб поправлялся. На ногах и руках снова появились мышцы. Он уже мог без труда перейти улицу и держался на равных с другими ребятами. Да и у всех прибавилось сил. Они стали заметно здоровее по сравнению с тем временем, когда у них не было «папы». Другие хулиганы теперь даже могли вербовать их в свои банды.

Сестра Карлотта была вербовщиком рекрутов для Межзвездного флота по детской программе. Орден осуждал ее деятельность, но ей все же удалось отстоять свое положение, напомнив руководителям ордена про Соглашение о защите Земли. С ее стороны это была слабозавуалированная угроза. Если бы сестра Карлотта доказала, что орден мешает ей работать на МФ, его сразу лишили бы налоговых льгот и ограничили приток новых членов. Сестра, однако, прекрасно понимала, что, когда война кончится и Соглашение потеряет свою

силу, она превратится в бездомную монахиню, которой не будет места среди сестер ордена Святого Николая.

Самым важным делом своей жизни сестра Карлотта считала заботу о детях. И согласно ее представлениям, если жукары выиграют последнюю битву с людьми, то все дети на Земле обязательно будут уничтожены. Разумеется, Господь не даст этому случиться, но, как она была уверена, Господь вряд ли желал, чтобы Его служители сидели без дела в ожидании, когда же Он начнет творить свои чудеса. Нет, Господь требовал, чтобы Его слуги трудились не покладая рук, дабы приблизить торжество справедливости. Поэтому ее личный долг как одной из сестер ордена Святого Николая заключается в том, чтобы максимально эффективно использовать свои знания в деле воспитания детей для укрепления обороноспособности Земли. И если МФ считает важным рекрутировать особо одаренных детей и воспитывать из них командиров грядущих сражений, она поможет Флоту находить таких детей, которых, возможно, пропустили другие вербовщики. Вряд ли Флот будет тратить деньги на столь бесперспективное дело, как обход трущоб перенаселенных городов с целью поиска среди вечно голодных и одичавших детей, которые там воруют, кланчат и умирают, тех самых одаренных кандидатов. Ибо шанс найти таких – умных, годных по характеру и способностям для поступления в Боевую школу – невероятно мал.

Для Бога же такое деяние особого труда не составляет. Разве не сказал Он когда-то, что слабые станут сильными, а сильные – слабыми? Разве не родился Иисус в семье скромного плотника в захолустной Галилее? Блестящие способности детей, родившихся в богатстве и славе или даже просто в зажиточных семьях, вряд ли свидетельствуют о вмешательстве чудесных сил. А вот ей надо искать то самое чудо. Но ведь Господь создал человека – женщину и мужчину – по образу и подобию своему. И никакие жукары с других планет не смогут низринуть то, что сотворил Господь.

Однако в последние годы энтузиазм (но не вера) сестры Карлотты слегка потускнел. Она не нашла ни одного ребенка, тестирование которого выявило бы способности намного выше средних. Таких детей тоже забирали с улиц и обучали, но не в Боевой школе, так как на роль спасителей мира они не годились. Поэтому сестра Карлотта стала думать о своей работе как о другой ипостаси чуда – ипостаси, дарующей надежду, спасающей хороших детей из гибельных болот, привлекающей к таким детям внимание местных властей. Теперь она искала ребятшек с хорошими данными, заносила их в список и сообщала о них властям.

Некоторые из ее ранних «находок» уже оканчивали колледжи.

Они считали, что обязаны своей жизнью сестре Карлотте. Но она-то знала, что они обязаны ею Богу.

И вот теперь пришло сообщение от Хельги Браун из Роттердама, которая извещала сестру Карлотту о кое-каких событиях среди детей, посещавших благотворительную столовую. Браун называла эти события зарождением цивилизованности. Дети вдруг сами по себе стали более цивилизованными.

Сестра Карлотта примчалась сразу же, чтобы посмотреть на то, что представлялось ей чудом. И в самом деле, она даже глазам своим не поверила. Очередь за завтраком у дверей столовой была буквально запружена малолетними детишками. А старшие ребята, вместо того чтобы отшвыривать малышку с дороги или запугивать, чтобы тем и в голову не пришло заявиться сюда вторично, приводили их к столовой группами, защищали и следили, чтобы каждый малыш получил свою порцию еды. Хельга сначала запаниковала, боясь, что у нее не хватит провизии, но скоро поняла, что потенциальные филантропы, увидев поведение детей, увеличат пожертвования столовой. Не говоря уж о том, что от добровольных помощников отбоя не будет.

– Я была на грани отчаяния, – рассказывала она сестре Карлотте. – В тот день, когда мне рассказали, что «грузовик» налетел на одного из старших мальчиков и переломал ему

ребра. Разумеется, это была ложь. Причем сам он валялся на мостовой в двух шагах от очереди. Его даже не потрудились спрятать от меня. Я решила бросить это дело, бросить благотворительность, положившись на милость Господа, и уехать с сыном во Франкфурт, где правительство свободно от обязательств принимать беженцев из прочих частей света.

– Я рада, что вы этого не сделали, – сказала сестра Карлотта. – Нельзя бросать их на милость Бога, если Господь уже передал их в наши руки.

– Да-да, странная вещь произошла. Видимо, драка в очереди открыла детям глаза на ужасы их жизни, так как на следующий день мальчик из тех, кто постарше, но самый слабый из них, с искалеченной ногой... его зовут Ахиллом... кажется, я сама когда-то дала ему это прозвище, поскольку у настоящего Ахилла пятак была слабым местом... Так вот, этот мальчик появился в очереди с группой малышкой. Откровенно говоря, он попросил у меня защиты, предупредив, что случившееся с тем беднягой, у которого переломаны ребра (того зовут Улиссом, он кочует от одной благотворительной столовой к другой, и он все еще в больнице, у него половина ребер сломана, можете вообразить такую жестокость?), так вот, Ахилл предупредил, что нечто подобное может произойти и с малышами. Я предприняла кое-что – стала приходить раньше, а потом уговорила полицию отрядить мне одного полицейского за половинную плату – из тех, кто отрубил свою смену и хочет подзаработать. Теперь-то у нас уже организованы регулярные дежурства. Вы скажете, мне следовало еще раньше навести порядок в очереди, но понимаете ли... Это все равно ничего бы не дало. В моем присутствии хулиганы никогда не запугивали детишек, они это делали там, где меня не было, в укромных переулках. Дело в том, что в очередь пролезали всегда самые крупные, самые злобные негодяи. Да, я понимаю, они тоже дети Божьи, и я кормила их и старалась учить добру, пока они ели, но мне не хватало терпения – такие они были бессовестные и бессердечные. А этот Ахилл взял под свое крыло целую группу малышек, включая самого крошечного, какого мне когда-либо приходилось встречать на улицах. У меня от его вида чуть сердце не разорвалось... даже ребятишки зовут его Бобом – такой он крошечный. Выглядит он года на два, но я потом узнала, будто он думает, что ему четыре, а говорит так, словно ему все десять. Такой милый! Наверное, именно это и помогло ему дожить до дня, когда Ахилл усыновил его. Но все равно, как говорят в народе, это были только кожа да кости... Да, такое выражение вполне подходило к Бобу. Не знаю, как он мог ходить или стоять, – ножки и ручки тоненькие, как у муравьишки, совсем без мускулов. Да что это я говорю! Сравнить это дитя с жукерами! Впрочем, следует говорить не «жукары», а «муравьеподобные»; «жукары» – по-английски это ведь ругательное слово, хотя английский – это не всеобщий язык МФ, тот только происходит от английского, правда?..

– Стало быть, Хельга, вы говорите, все началось с Ахилла?

– Пожалуйста, зовите меня Хэйзи! Мы ведь теперь друзья, правда? – Она порывисто схватила руку Карлотты. – Вы обязательно должны встретиться с этим мальчиком! Какое мужество! Какая прозорливость! Его надо протестировать, сестра Карлотта! Он прирожденный лидер. Он... цивилизатор!

Сестра Карлотта не стала доказывать Хельге, что из цивилизаторов редко получаются хорошие солдаты. Достаточно того, что мальчик явно заслуживал внимания, а сама Карлотта его пропустила. Пусть случай с ним послужит ей напоминанием – надо быть внимательнее.

Рано утром, еще затемно, сестра Карлотта подошла к дверям столовой, где уже сформировалась очередь. Хельга помахала ей рукой, а потом незаметно показала на довольно-таки симпатичного юношу, окруженного толпой малышки. Но стоило ему сделать пару шагов, как сразу стало ясно: с его правой ногой дела совсем плохи. «Что же с ним такое? – попыталась поставить диагноз Карлотта. – Запущенный рахит? Не прооперированная вовремя косолапость? Плохо сросшийся перелом? Не имеет значения. Все равно Боевая школа его не возьмет».

А потом она увидела, с каким обожанием смотрят на него дети, как зовут его «папой», с какой жадностью ждут его похвалы. Даже среди взрослых мужчин хороших отцов не так уж и много. А этот мальчик – сколько ему: одиннадцать? двенадцать? – уже успел стать прекрасным отцом. Защитником, добытчиком, королем, даже богом. «Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне»¹, – говорил Иисус, так что в Его сердце этот подросток уже занимает почетное место. Она – сестра Карлотта – протестирует юношу, узнает, нельзя ли залечить его ногу, а если нет, то найдет ему место в хорошей школе в каком-нибудь спокойном местечке Нидерландов – прошу прощения, Международной зоны, – которое еще не задушено бедностью, последовавшей за волной беженцев.

Но Ахилл наотрез отказался от ее помощи.

– Я не могу бросить детей, – сказал он.

– Но ведь наверняка найдется кто-то, кто присмотрит за ними?

– Я присмотрю, – встряла стоявшая рядом девочка, одетая как мальчишка.

Но было совершенно очевидно, что она не сможет этого сделать, – уж очень мала. Ахилл прав: дети полностью зависят от него. Бросить их было бы проявлением безответственности. Сестра Карлотта приехала сюда только потому, что Ахилл цивилизован. А цивилизованные люди не бросают своих детей.

– Тогда я приду к вам сама. Когда вы поедите, возьмите меня туда, где вы проводите время днем, и позвольте мне обучать вас – это будет что-то вроде маленькой школы. Хоть несколько дней, но и то хорошо, верно?

Это будет прекрасно! Столько воды утекло с тех пор, как сестра Карлотта в последний раз преподавала детям. А такого класса у нее и вовсе никогда не было. И это как раз тогда, когда ей показалось, что она разуверилась в своей работе! Да, Господь послал ей еще один шанс. Может, это и есть чудо?

Разве Христос не исцелил хромого? И если Ахилл хорошо пройдет тестирование, тогда Господь излечит ему ногу, пусть даже с помощью современной медицины.

– Школа – это хорошо, – сказал Ахилл. – Никто из этих ребятишек не умеет даже читать.

Сестра Карлотта поняла, что если сам Ахилл и умеет читать, то наверняка плохо.

По какой-то причине, возможно из-за почти незаметного движения, когда Ахилл сказал, что никто из детей читать не умеет, самый крошечный из малышей, которого звали Бобом, обратил на себя внимание Карлотты. Она заглянула в его глаза, в которых горели искры, подобные кострам далеких кочевий в ночной тьме, и поняла: он как раз читать умеет. Она знала, хоть и не могла понять откуда, что вовсе не Ахилл, а именно этот малыш – тот самый, ради которого Бог привел ее сюда.

Она постаралась тут же стряхнуть с себя это наваждение.

Ахилл – цивилизатор, это он продолжает дело Христа, это он лидер, в котором нуждается МФ, а вовсе не самый маленький и самый слабенький из его апостолов.

Во время классных занятий Боб всегда старался держаться незаметно, никогда не высывался с ответами, уклонялся от них, даже когда сестра Карлотта вызывала его. Боб знал: ему придется плохо, если остальные узнают, что он не только умеет читать, но и считать может или что он понимает все языки, на которых говорят на улице, что он подхватывает новые слова этих языков так же легко, как дети ловят брошенные вверх камешки. Что бы ни делала сестра Карлотта, какие бы блага она ни расточала, но, если другие ребята заподозрят, что Боб перед ними выхваляется, – он понимал – это будет его последний день в школе. И хотя она обучала преимущественно тем вещам, которые Боб уже знал, в рассказах

¹ Мф. 25: 40.

сестры Карлотты содержались намеки на безмерную огромность внешнего мира, на обширные познания и мудрость.

Ни один взрослый никогда не тратил своего времени на разговоры с детьми, и Боб буквально купался в наслаждении, которое доставляла ему беседа на красивом, правильном языке. Когда она их обучала, то, конечно, пользовалась всеобщим языком МФ, являвшимся одновременно и главным языком улицы, но, поскольку многие дети знали еще и голландский, а некоторые даже были голландцами по рождению, самые трудные понятия Карлотта разъясняла именно на этом языке. А когда сестра бывала расстроена, то бормотала себе что-то под нос по-испански – это был язык богатых торговцев с Йонкер-Франстраата, и Боб все время пытался угадать смысл новых слов, услышанных от сестры Карлотты. Обширные знания Карлотты были для Боба истинным пиршеством, и если он будет сидеть смиренно, то его не тронут и не выгонят из-за этого дивного стола.

Однако прошла только неделя занятий, и Боб допустил очень серьезный промах. Сестра Карлотта раздала им листки бумаги, на которых было что-то написано. Боб тут же понял, что это инструкции, согласно которым следовало обвести кружком правильные варианты из приведенных ответов на вопросы.

Поэтому он тут же стал обводить верные варианты кружками и сделал уже половину работы, когда вдруг заметил, что в группе воцарилось тяжелое молчание.

Все таращились на него, ибо на него же были устремлены и глаза Карлотты.

– Куда ты спешишь, Боб? – спросила она. – Я ведь еще не объяснила, что именно надо делать. Пожалуйста, отдай мне листок.

«Глупец! Разгильдяй! Несмышлениш! Если ты из-за этого погибнешь, Боб, туда тебе и дорога!»

Он подал ей листок.

Она быстро проглядела его, а потом пристально посмотрела на Боба.

– Продолжай работать, – сказала она.

Боб взял листок из ее рук. Карандаш завис над строкой.

Он сделал вид, будто бьется над ответом.

– Ты выполнил первые пятнадцать пунктов за полторы минуты. Сделай милость, не считай меня душой, которая способна поверить, что тебе так трудно справиться с остальными. – Голос ее звучал сухо и насмешливо.

– Я не могу этого сделать, – сказал Боб. – Я ведь просто играл.

– Только врать не надо, – ответила сестра Карлотта. – Доделывай.

Боб сдался и быстро закончил работу. Много времени на это не ушло – задания были легкими. Он отдал листок.

Сестра проглядела его, но ничего не сказала.

– Надеюсь, остальные подождут, пока я не кончу рассказывать о том, что именно вы должны сделать, и не прочитаю вам вслух вопросы. Если вы попытаетесь просто угадать значения трудных слов, которые тут встречаются, ваши ответы практически наверняка будут ошибочны.

Затем она прочла им вопросы и варианты ответов на них. Только тогда остальные дети стали делать пометки в своих листках.

Больше сестра Карлотта не сказала ни одного слова, которое могло бы привлечь внимание детей к Бобу, но непоправимый ущерб уже был нанесен. Как только урок кончился, к Бобу подошел Сержант.

– Значит, ты у нас мастак читать? – спросил Сержант.

Боб пожал плечами.

– Ты нас обманул.

– Я никогда не говорил, что не умею читать.

– Ты нас унизил. Почему ты не захотел учить нас сам?

«Потому что я борюсь за выживание, – сказал про себя Боб. – Потому что не хотел напоминать Ахиллу, что я и есть тот ловкач, который придумал план, отдавший нашу банду в его руки. Вспомнив об этом, он вспомнит и о том, как я уговаривал Проныру убить его».

В ответ Боб лишь пожал плечами.

– Терпеть не могу, когда кто-то что-то скрывает! – И Сержант пнул Боба ногой.

В дополнительных указаниях Боб не нуждался. Он покорно встал и зашагал прочь от группы. Вот и кончилась учеба. Возможно, и завтраки тоже. Чтобы узнать это, придется ждать до утра.

Вторую половину дня он провел на улице. Один. Надо быть очень осторожным. Самый маленький и самый слабый, он был самым ненужным в семье Ахилла. Так что на его отсутствие, скорее всего, никто не обратит внимания. С другой стороны, те хулиганы, что ненавидят Ахилла, могли хорошо запомнить именно его – Боба, как самого бросающегося в глаза. Им может прийти в голову, что убить Боба или избить до полусмерти и бросить на улице было бы отличным предупреждением для Ахилла. Таким образом ему дадут понять, что его все еще ненавидят, хотя жизнь и стала немного лучше для всех.

Боб знал, что такова точка зрения многих хулиганов. Особенно тех, которые не сумели создать свою семью, так как были очень жестоки к малышам. Малышня быстро усваивала, что если папа слишком часто злится, то они сами могут наказать его, уйдя от него сразу после завтрака и присоединившись к какой-нибудь другой группе. Надо только закончить еду раньше его. Он еще будет есть свою похлебку, а они уже успеют обзавестись защитой. Даже если им придется убежать, не поев. Тогда злой папа тоже ничего не получит, а Хельга не будет иметь ничего против, так как этот папа плохой – не заботится о маленьких детках. Поэтому таким хулиганам – практически отщепенцам – нынешний поворот событий совсем не нравился, и они прекрасно помнили, что виновником всего этого является Ахилл. Перейти в другую столовку они тоже не могли – слухи среди старших распространялись быстро, и теперь всюду установился порядок: детские группы проходят первыми. Если у тебя нет семьи, ты можешь здорово наголодаться. И никто тебе не поможет.

Все же Боб терся возле ребятишек из других семей, чтобы узнать, какие идут толки.

Ответ он вскоре получил. Дела в других семьях шли не очень ладно. Видимо, Ахилл и в самом деле был отличным лидером. Например, взять ритуал разделения хлеба. Ничего подобного в других семьях не было. Зато там процветали наказания. Малышей часто избивали. За то, что они были медлительны, невнимательны. У них отбирали хлеб, если они в чем-то провинились – замешкались, например.

Значит, в конце концов Проныра сделала все же правильный выбор. Может, по глупому везению, а может, потому, что она вовсе и не была дурой. Она выбрала не только самого слабого хулигана, которого можно было легко избить, но еще и самого умного, который знал, как важно уметь завоевывать и удерживать привязанность других. Все, что нужно было Ахиллу, – это шанс.

Но Ахилл по-прежнему отказывался делить хлеб с Пронырой, и она уже начинала понимать, что для нее выбор Ахилла был не благом, а совсем наоборот.

Боб видел это по ее лицу, когда она смотрела на ритуал разделения хлеба. Ведь теперь Ахилл получал и свою похлебку, которую Хельга приносила ему прямо к двери. Поэтому он брал у малышей куда меньше и не откусывал от хлеба, а отламывал, а когда ел, то улыбался малышам. Всем, но не Проныре.

Ахилл ее никогда не простит, и Боб видел, что это причиняет Проныре боль. Потому что она теперь тоже любила Ахилла, точно так же как его любили другие дети, и то, что он ее отвергает, было очень жестоко.

А может, Ахилл этим и ограничится? Может, в этом и заключается вся его месть?

Боб свернулся клубочком около газетного киоска, когда рядом с ним несколько уличных хулиганов завели весьма интересный разговор:

– Он все время треплется насчет того, как расправится с Ахиллом за его наглость.

– Да, Улисс собирается с ним жестоко почитаться.

– Ну а может, он вовсе и не с Ахилла начнет?

– Ахилл и его чертова семейка разберут Улисса на части. И на этот раз они будут целиться не в ребра. Разве Ахилл не грозился? Проломят ему голову и размажут мозги по мостовой – все, как он обещал.

– Но ведь он же калека!

– Ахилл вывернется. Тот еще тип!

– А я надеюсь – Улисс с ним разберется. Пришибет его на хрен. Но тогда никто из нас не должен брать к себе его мелюзгу. Поняли? Никто из нас – ни одного из них. Пусть сдохнут. Утопить их в реке, как котят!

В таком духе разговор продолжался еще некоторое время, пока старшие не разошлись.

Тогда Боб вскочил и отправился искать Ахилла.

3

Мечь

- Мне кажется, я нашла для вас кое-что.
- Вы и раньше это говорили.
- Мальчик – прирожденный лидер. Хотя по физическому развитию он вам вряд ли подойдет.
- Тогда извините, мы просто не станем тратить на него время.
- Но если он соответствует вашим требованиям по интеллектуальному развитию и складу характера, то вполне возможно, что, потратив на него бесконечно малую часть бюджета МФ, отведенную на покупку бронзовых мундирных пуговиц и туалетной бумаги, вы сможете исправить его физические дефекты?
- Вот уж никогда не знал, что монашки способны на сарказм.
- Я ведь не могу дотянуться до вас линейкой. Сарказм – мое последнее оружие.
- Покажите мне результаты тестирования.
- Я покажу вам его самого. А заодно кое-кого еще.
- Тоже физические ограничения?
- Очень мал по росту, и по возрасту тоже. Но ведь и Виггин был таков же, как я слышала. А этот... сам научился читать прямо на улице.
- Ах, сестра Карлотта, что бы я без вас делал? Как бы проводил долгие, пустые часы своей жизни?
- Удерживать вас от грехов и глупостей – мой способ служить Господу.

Боб отправился прямо к Ахиллу и рассказал ему все, что подслушал. Улисс, вышедший из больницы, – большая опасность, и идут разговоры, что он собирается рассчитаться за свое унижение.

- Я думала, все это уже позади, – печально вздохнула Проныра. – Ну, драки то есть.
- Долгое время Улисс провел на больничной койке, – прервал ее Ахилл. – Если он и знает о переменах, то вряд ли понимает, как что работает.
- Будем держаться вместе, – сказал Сержант. – Мы тебя защитим.
- Возможно, для всех будет лучше, – продолжал Ахилл, – если я исчезну на несколько дней. Это могло бы вывести вас из-под удара.
- А что же будет с едой? – спросил кто-то из малышей. – Кто нас будет защищать?
- А вы держитесь за Проныру, – ответил Ахилл. – Хельга у дверей пустит вас, как пускала и раньше.
- А что, если Улисс тебя все-таки поймает? – спросил другой мальчуган, старательно вытирая глаза кулачком, – мужчинам плакать ведь не полагалось.
- Тогда мне конец, – ответил Ахилл. – Он вряд ли удовлетворится тем, что отправит меня в больницу.

Малыш разразился ревом, к которому тут же присоединился вой остальных ребят. Этот хоровой плач заставил Ахилла покачать головой и улыбнуться:

– Да не собираюсь я помирать. Пока я буду прятаться, вы будете в безопасности, а когда Улисс поостынет и привыкнет к новой системе, я вернусь.

Боб молчал. Он только слушал и размышлял. Боб не считал решение Ахилла правильным, но он предупредил Ахилла об опасности и на этом счел свои обязанности выполненными. Уходя в подполье, Ахилл совершает ошибку, он только напрашивается на новые неприятности – его сочтут трусом и слабаком.

Итак, вечером Ахилл куда-то спрятался, но куда – не сказал никому, чтобы кто-нибудь случайно не выдал его тайну.

Боб было подумал, не проследить ли за ним, но потом решил, что от него будет больше пользы, если он останется с группой. Теперь их вожак – Проныра, а главарь она явно посредственный. Другими словами – дура. Ей нужен Боб, даже если она сама этого пока не понимает.

Ночью Боб старался не спать, почему – и сам не знал. В конце концов он все же заснул, и ему приснилась школа. Только это была не школа сестры Карлотты, где занятия велись на ступеньках в переулках, а настоящая школа со столами и стульями. Но и во сне Боб никак не мог усидеть за столом. Вместо этого он парил в воздухе, а стоило захотеть, то можно было летать по всей комнате. Прямо под потолком. А еще можно было скрыться в расщелине в стене – в темном тайничке, по которому можно было подниматься все выше и выше и где почему-то становилось все теплее и теплее.

Проснулся Боб в темноте. Дул прохладный ветерок. Хотелось писать. И летать тоже хотелось. Боб готов был разреваться, оттого что сон прервался. Он не помнил, чтобы когда-нибудь летал во сне. Ну почему он так мал и так слаб, почему у него такие неуклюжие ноги, которые с трудом переносят его с места на место?

Когда он летал, то мог смотреть на всех сверху вниз и видеть макушки их глупых голов. Мог на них нагадить, подобно птичке. И не боялся их, так как, если бы они и пришли в бешенство, он сразу бы улетел и его бы ни за что не поймали.

Впрочем, если бы он умел летать, то наверняка это умели бы и все остальные. Тут же выяснилось бы, что он самый маленький и медлительный, так что все они могут спокойно гадить на него.

Заснуть больше не удастся. Боб это знал. Он слишком напуган – правда, неизвестно чем. Тогда он встал и вышел в проулок, чтобы помочиться.

В проулке оказалась Проныра. Она подняла глаза и заметила Боба.

– Я хочу побыть одна, – сказала она.

– Не выйдет, – ответил Боб.

– Не хами, малец, – буркнула Проныра.

– А я знаю, что ты садишься на корточки, когда писаешь, – ответил он. – Но я все равно подглядывать не буду.

Сверкая глазами, она ждала, когда он отвернется к стенке, чтобы помочиться.

– Я так понимаю, если бы ты хотел обо мне рассказать, то не стал бы так долго дожидаться.

– Да ведь все и так знают, что ты девчонка. Когда тебя нет, папа Ахилл всегда говорит о тебе «она».

– Он мне не папа!

– Я догадался, – сказал Боб, все еще повернувшись лицом к стене.

– Теперь можешь повернуться. – Она уже стояла, застегивая штанишки.

– Я чего-то боюсь, Проныра, – признался Боб.

– Чего?

– Сам не знаю.

– Не знаешь, чего боишься?

– Оттого-то и страшно.

Она неожиданно рассмеялась. В ночной тишине ее смех прозвучал пугающе резко.

– Боб, это значит только одно: тебе четыре года. Малышам по ночам снятся всякие чудища. Или наоборот, не снятся. Так или иначе, вся малышня чего-то боится.

– Только не я, – ответил Боб. – Если я боюсь, значит случилось что-то очень плохое.

– Улисс готовится посчитаться с Ахиллом – вот и все, что случилось.

– Ты бы от этого не расстроилась, верно?

Она сердито глянула на Боба:

– Мы едим сейчас лучше, чем раньше. Все довольны. Это был твой план. И вообще, я никогда не хотела быть вожаком.

– Но ты его все равно ненавидишь? – спросил Боб.

Она замешкалась с ответом.

– Мне кажется, он все время смеется надо мной.

– А откуда ты знаешь, чего боится малышня?

– Потому что я сама еще недавно была ребенком, – отозвалась Проныра. – И я еще все помню.

– Улисс вовсе не собирается калечить Ахилла, – сказал Боб.

– Это я знаю, – ответила Проныра.

– И поэтому ты собираешься найти Ахилла и защитить его?

– Я собираюсь остаться здесь и защищать малышей.

– А может, ты хочешь первой найти Улисса и убить его?

– Это как? Он же больше меня. Куда больше!

– Но ты пришла сюда не затем, чтобы писать. Или у тебя пузырь размером с шарик для пинг-понга?

– Значит, ты... слушал, писаю я или нет?!

– Но ты ведь только подглядывать мне запретила.

– Ты слишком много думаешь, а вот соображалки тебе явно не хватает.

– Я думаю, Ахилл нам врет о том, что собирается делать, – ответил Боб. – А еще я думаю, ты мне тоже сейчас врешь.

– Привыкай, – отозвалась Проныра. – Мир – сплошное вранье.

– Улиссу все равно, кого убивать, – произнес Боб задумчиво. – Ему один черт, что тебя пырнуть, что Ахилла.

Проныра отрицательно затрясла головой:

– Улисс – ничтожество. И убивать никого не собирается. Просто жалкий хвостун.

– Тогда чего ты дергаешься? – спросил Боб.

Теперь уже пришла очередь Проныры пожимать плечами.

– Ты и правда собираешься убить Ахилла, – сказал Боб. – Да еще так, чтобы это выглядело, будто его прикончил Улисс.

Она закатила глаза к небу:

– Ты что, вчера вечером полный стакан дури хватил?

– Мне хватает соображалки, чтобы понять, когда ты мне врешь.

– Иди-ка ты спать, – сказала Проныра. – Валяй, двигай к малышне.

Он какое-то время молча смотрел на нее, потом повинувался.

Вернее сказать, сделал вид, что повинуется. Ползком пробрался на чердак, где они спали в эти дни, и тут же стал выбираться оттуда, протискиваясь среди груд ящиков и бочек, каких-то низких и высоких перегородок, пока наконец не выполз на плоскую крышу. К карнизу он поспел почти вовремя – увидел, как Проныра выходит из проулка на улицу. Она куда-то спешила. Должно быть, на встречу с кем-то.

Боб соскользнул по трубе прямо в бочку для слива дождевой воды и побежал по Корт-Хоогстраат за Пронырой. Он старался не шуметь, а Проныра ни на что не обращала внимания, да и улица была полна множества разных звуков, так что она не слышала шлепанья босых ног Боба. Он пытался держаться в тени домов, но не слишком тайлся – следить за Пронырой было легко: она обернулась всего пару раз. Шла она к реке. Явно на встречу с кем-то.

У Боба было два предположения на этот счет. Либо с Ахиллом, либо с Улиссом. А кого она еще знала, кроме тех, кто сейчас спал на чердаке? Но зачем ей было таиться? Она хочет уговорить Улисса сохранить жизнь Ахиллу? Героически предложить свою жизнь в обмен за жизнь Ахилла? Упросить Ахилла вернуться и встретиться с Улиссом лицом к лицу, а не прятаться от него? Нет! Такие вещи может придумать он, Боб, а Проныра... так далеко заглядывать в будущее ей не под силу.

Проныра остановилась на середине открытого пространства рядом с доком на Шипмейкерсхейвен и огляделась. Кто-то ждал ее в глубокой тени дока. Боб взобрался на большой контейнер, чтобы разглядеть получше. Услышал два голоса – оба детские, – но слов разобрать не смог. Кто бы там ни был, ростом он значительно превосходил Проныру. Это мог быть как Улисс, так и Ахилл.

Затем мальчик обнял Проныру и поцеловал ее.

Боб множество раз видел, как это делают взрослые, но зачем такими делами заниматься детям? Проныре всего девять. Конечно, проституток такого возраста не так уж мало, но ведь всем известно: типы, которые их покупают, – извращенцы.

Бобу необходимо было подобраться ближе, чтобы услышать, о чем идет разговор. Он соскользнул с контейнера, медленно перебрался в тень от киоска. Парочка, будто уступая желанию Боба, повернулась лицом. В той густой тени, в которой он стоял, рассмотреть его они не могли. Но и он видел их не лучше. Зато обрывки разговора слышать было можно.

– Ты же обещал, – сказала Проныра.

Мальчик что-то буркнул в ответ. Буксир, проходивший мимо, скользнул прожектором по берегу реки и на миг осветил лицо собеседника Проныры. Ахилл.

Больше Бобу смотреть не хотелось. Подумать только: он искренне верил, что Ахилл собирается убить Проныру. Правда, во взаимоотношениях мальчишек и девчонок Боб плохо разбирался. Бывает, что все выглядит так, будто они ненавидят друг друга, но вдруг... А ведь ему казалось, что он начал немного разбираться в этом мире.

Боб выскользнул из тени и помчался по Постхоорнстраат.

Впрочем, в «гнездо», где они спали, он не вернулся. Надо подумать, решил он. Ибо, хотя Боб уже знал ответы на все вопросы, сердце его билось тревожно. Что-то тут не так, говорило оно ему. Что-то тут совсем не так.

Он вспомнил, что Проныра отнюдь не была единственной, кто что-то скрывал от него. Ахилл ведь тоже лгал. Что-то скрывал. Какой-то свой план. Или это были всего-навсего ночные встречи с Пронырой? Но тогда к чему вся эта болтовня насчет необходимости прятаться от Улисса? Чтобы сделать Проныру своей девушкой, ему вообще не надо было прятаться от кого-либо. Вполне мог обнимать ее на глазах у всех. Некоторые хулиганы так и делали – те, что постарше. Впрочем, они не брали себе девятилетних. Неужели Ахилл прятался только поэтому?

«Ты же обещал», – сказала Проныра в доке.

Что же пообещал Ахилл? Ведь Проныра пришла к нему именно из-за этого – чтобы заплатить за выполнение обещания. Но что мог пообещать ей Ахилл, помимо того, что он и так отдавал ей как члену семьи? Своего-то у него ничего нет!

Значит, он пообещал ей чего-то не делать. Не убивать ее? Тогда она совсем дура, если болтается с Ахиллом по ночам.

«Не убивать меня, – подумал Боб. – Вот что он ей пообещал. Не убивать меня... Но только не один я в опасности. Вернее, не мне она грозит в первую очередь. Я, конечно, угрожавал Проныру убить Ахилла, но сшибла-то его с ног именно она, и она же стояла тогда над ним. Наверняка эта картина запечатлелась в памяти Ахилла навечно. Он все время вспоминает ее. Ему постоянно снится: вот он лежит на земле, а девятилетняя девчонка стоит над ним с куском шлакоблока в руках, намереваясь убить его. Хоть он и калека, но каким-

то образом все же пробился в ряды признанных хулиганов. Он крутой. Правда, другие хулиганы, те, что не калеки, всегда издевались над ним. Даже те, что стояли ниже по рангу. Но наверное, это было для Ахилла величайшим унижением – быть сбитым с ног девятилетней девчонкой, валяться на земле в окружении мелких сопляков... Проныра, а ведь это тебя он ненавидит больше всего. Именно тебя он должен раздавить, чтобы стереть это из своей памяти, избавиться от своих мучений».

Теперь все встало на свои места. Все, что сегодня днем говорил Ахилл, – все это ложь. Он вовсе не прячется от Улисса. Вполне мог бы с ним встретиться. Возможно, он это и сделает, но – завтра. И когда он встретится лицом к лицу с Улиссом, у него будет гораздо более серьезный повод для стычки. «Ты убил Проныру!» – набросится он на Улисса. Тот будет выглядеть полным дураком и слабаком, если после всех своих хвастливых заверений и бравады станет опровергать подобное обвинение. Скорее всего, он сознается в убийстве – просто из куража. И тогда Ахилл набросится на него, и никто его не осудит, если он убьет Улисса. Это будет самозащита, это будет защита семьи.

Да, Ахилл чертовски хитер. И терпелив. Откладывал убийство Проныры до тех пор, пока не появился кто-то, на кого он сможет списать это дело.

Боб бросился обратно, чтобы предупредить Проныру. Бежал так быстро, как позволяли его коротенькие ножки. Таких широких шагов он никогда не делал. Казалось, прошла целая вечность.

Но в доке, где Ахилл встречался с Пронырой, уже никого не было.

Боб беспомощно огляделся. Хотел было крикнуть, вот только это было глупо. Пусть даже Ахилл ненавидит Проныру всем сердцем, это вовсе не означало, что он простил Боба. Всего разок принял у него хлеб, подумаешь!

«А может, я схожу с ума из-за пустяков? Он же тискал ее. И она сюда пришла добровольно. Между девчонками и мальчишками происходят вещи, в которых я не разбираюсь. Ахилл – добытчик, наш защитник, а не убийца. Может, это мой мозг так настроен? Может, это я все время думаю, как бы убить кого послабее, чтобы в будущем он не представлял опасности? Может, это Ахилл хороший, а я плохой? Ахилл знает, что такое любовь. А я нет».

Боб добрался до стенки дока и бросил взгляд через канал. Воду скрывал тонкий слой низко стелящегося тумана. На дальнем берегу фонари на Бомпесе подмигивали, как на Рождество. Тихая зыбь набегала на пиллерсы, будто покрывая их десятками быстрых поцелуев.

Он посмотрел на воду под ногами. Что-то колыхалось там, постукивало о стенку дока – Боб долго смотрел на это, ничего не понимая. Как вдруг осознал: он давно уже понял, что это такое, просто не хочет себе в этом признаться. Проныра. Мертвая. Все случилось так, как боялся Боб. Вся улица поверит, что убийца – Улисс, даже если других доказательств не будет. Боб прав во всем. Какие бы отношения ни связывали мальчишек и девчонок, эти чувства не способны утолить ненависть, предотвратить месть.

И пока Боб стоял, вглядываясь в темную воду, пришло понимание: «Я или должен рассказать сейчас же, в эту же минуту, кому угодно, о том, что произошло, или дать зарок молчать, так как Ахилл, если только почувет, что я был здесь, убьет меня, не раздумывая ни секунды. И скажет потом: это тоже дело рук Улисса. А когда убьет Улисса, то заявит, что отомстил за две смерти сразу».

Нет! Ему, Бобу, надо молчать. Сделать вид, что никогда не видел тела Проныры, покачивающегося на речной зыби, не видел обращенного вверх лица, так хорошо освещенного луной.

Она была душой. Душой, потому что не смогла разгадать план Ахилла, душой, потому что доверилась ему, душой, что не послушалась Боба. Но и Боб был дураком, когда ушел, вместо того чтобы выкрикнуть слова предостережения. Может, это спасло бы Проныре жизнь,

ведь Боб становился свидетелем и Ахилл не мог быстро до него добраться и заставить молчать.

А ведь именно ей Боб обязан жизнью. Она дала ему имя. Она выслушала его план. А теперь она умерла из-за него, хотя он мог ее спасти. Конечно, когда-то он посоветовал ей убить Ахилла, но ведь это она выбрала именно Ахилла, и выбрала правильно: Ахилл оказался единственным из старших, кто подошел для плана, разработанного Бобом. Но и Боб тоже был прав. Ахилл – законченный лжец, и когда он решил, что Проныра должна умереть, то начал возводить вокруг будущего убийства целую гору лжи – лжи, которая привела Проныру туда, где Ахилл смог убить ее без свидетелей. Лжи, которая дает ему алиби в глазах семьи.

«Я сам поверил ему. Я с самого начала знал, кто он такой, и все же поверил. Ах, Проныра, глупая, бедная, добрая девочка. Ты спасла мне жизнь, а я ничего для тебя не сделал.

Но это же не моя вина. Разве ты не сама пришла сюда, к Ахиллу? Пришла, чтобы спасти меня. Какая ошибка, Проныра, думать о ком-то, кроме себя!

Неужели я тоже должен погибнуть из-за твоей ошибки?

Нет, уж лучше я умру по своей вине, из-за собственной дурости».

Но не сегодня. Ахилл еще не успел запустить в действие механизм плана, который погубит Боба. Но начиная с этой минуты бессонными ночами Боб постоянно будет думать о том, что Ахилл уже поджидает его. Ждет нужного часа. Ждет мгновения, когда ему представится возможность скормить реке еще одну жертву.

Сестра Карлотта всем сердцем сопереживала той боли, которую испытали дети, узнав, что одна из их семьи задушена и брошена в реку. Но именно смерть Проныры явилась толчком, чтобы ускорить тестирование. Ахилл еще не нашелся, а поскольку Улисс уже нанес один удар, вряд ли Ахилл в ближайшее время покинет свое убежище. У сестры Карлотты не было другого выхода, кроме как начать работу с Бобом.

Сначала, похоже, малыш думал о чем-то другом – он как будто отсутствовал. Сестра Карлотта никак не могла понять: мальчик настолько умен, что сам научился читать на улице, – почему же сейчас он не может выполнить самые элементарные тестовые задания? Вероятно, виной всему смерть Проныры. Поэтому Карлотта прервала тестирование и заговорила с Бобом о смерти вообще, о том, что душа Проныры сейчас находится рядом с Господом и всеми Его святыми, которые будут о ней заботиться и сделают ее куда более счастливой, чем она была на земле. Но Боба эта тема не особо заинтересовала. Наоборот, когда они приступили к следующей части теста, дела пошли еще хуже.

Что ж, если не сработала доброта, испытаем строгость.

– Ты что, не понимаешь, зачем нужен этот тест, Боб?

– Нет, – ответил он, но тон его голоса выдавал подспудную мысль: и знать не желаю.

– Вся твоя жизнь прошла на этой улице. Но трущобы Роттердама – это только часть огромного города, а сам Роттердам – всего лишь один большой город среди множества других. Земля очень плотно заселена. Вот, Боб, о чем этот тест. Потому что муравьеподобные...

– Жукеры, – поправил он. Как и все беспризорники, он терпеть не мог эвфемизмы.

– Они вернуться, чтобы сжечь Землю и истребить всех людей. Этот тест нужен для того, чтобы узнать, не принадлежишь ли ты к тем детям, которые годятся для Боевой школы и из которых вырастут командиры будущих армий, должных остановить нашего врага. Этот тест связан со спасением мира, Боб.

Впервые за время тестирования Боб проявил признак интереса:

– А где находится Боевая школа?

– Это специальная платформа на орбите Земли, – ответила она. – Если ты хорошо пройдешь тесты, то сможешь стать астронавтом.

В выражении его лица сейчас не было ничего детского. Только холодный расчет.

– И пока я справляюсь очень плохо, да?

– Нынешние результаты тестирования говорят, что ты слишком глуп даже для того, чтобы одновременно делать два дела: ходить и дышать.

– А можно начать все снова?

– У меня есть другой вариант теста, – ответила сестра Карлотта.

– Давайте.

Достав альтернативный вариант, она ободряюще улыбнулась:

– Значит, ты хочешь стать астронавтом? Или тебе так понравилась идея служить во Флоте?

Он пропустил ее вопрос мимо ушей.

На сей раз Боб блистательно справился с заданием, хотя тест был составлен так, чтобы в отведенное время с ним невозможно было справиться. Ответы не были безупречны, но близки к идеалу. Так близки, что в возможность подобного результата никто не поверил бы.

Поэтому сестра Карлотта дала Бобу еще несколько тестов, предназначенных для ребят постарше, – стандартных тестов для шестилетнего возраста, который считался оптимальным для поступления в Боевую школу. С этими он справился чуть похуже – его жизненный опыт был недостаточен, чтобы понять смысл некоторых вопросов, но все равно задания были выполнены, можно сказать, на отлично. Еще ни разу ее ученики не демонстрировали таких результатов.

Подумать только, а она-то считала, что самым высоким потенциалом обладает Ахилл! Такой малыш, такая кроха – это поразительно! Никто не поверит, что она нашла его на улице почти умирающим от голода.

Внезапно у нее зародилось некое подозрение. Когда очередной тест был завершен, она вновь подсчитала результаты и отложила листок в сторону. Затем, улыбнувшись, сестра Карлотта откинулась на стуле и посмотрела в тревожные глаза Боба:

– Кстати, а чья это была идея – организовать уличных ребят в семейные группы?

– Ахилла, – тут же ответил Боб.

Сестра Карлотта промолчала.

– Во всяком случае это он предложил назвать их семьями.

Она все еще ждала. Тут было главным не спешить, гордость сама все расскажет.

– А вот заручиться помощью старшего – это был мой план, – наконец сообщил Боб. – Я изложил его Проныре, она все обдумала и решила попробовать. Только она сделала одну ошибку.

– И какую же?

– Выбрала не того хулигана.

– Потому что он не смог защитить вас от Улисса?

Боб горько рассмеялся, и по щекам его покатались слезы.

– Да нет. Улисс сейчас где-нибудь похваляется тем, чего никогда не совершал.

И тут сестра Карлотта все поняла, хотя совсем этого не желала.

– Значит, тебе известно, кто убил Проныру?

– Я же говорил ей: убей его! Предупреждал ее, что он не годится! Я видел это на его лице, когда он лежал там на земле, я знал, что он никогда ее не простит. Но он очень расчетлив. Он ждал так долго... Правда, никогда не брал у нее хлеб. Это должно было ее насторожить. Ей не надо было оставаться с ним один на один. – Теперь Боб уже не сдерживался, он рыдал в голос. – Я думаю, это она меня защищала. Потому что именно я посоветовал ей убить его. И она пыталась меня спасти, отговорить его убивать меня.

Сестра Карлотта постаралась убрать из своего голоса все эмоции:

– Ты и в самом деле убежден, что Ахилл представляет для тебя опасность?

– Да, и я рассказал вам почему, – ответил Боб после некоторого раздумья. – Он не прощает. Он мстит всегда.

– Но ты понимаешь, Боб, что я вижу Ахилла совсем иначе, чем ты? И Хэйзи, то есть Хельга, – тоже. Он очень цивилизованный мальчик.

Боб посмотрел на Карлотту как на сумасшедшую:

– Почему иначе? А что еще означает быть цивилизованным? Это значит уметь ждать, чтобы получить то, что тебе нужно.

– То есть ты хочешь уехать из Роттердама и поступить в Боевую школу, чтобы быть подальше от Ахилла?

Боб кивнул.

– А как же другие дети? Ты не боишься, что им тоже может угрожать опасность?

– Нет, – ответил Боб. – Он их папа.

– Но не твой. Хотя и брал у тебя хлеб?

– Он тискал и целовал ее, – сказал Боб. – Я видел их в доке. Она позволяла целовать себя, а потом напомнила ему, что он ей что-то обещал. Тогда я ушел. Но потом, когда все понял, кинулся обратно. Наверное, меня не было очень недолго, ведь надо было пробежать всего шесть кварталов, но она была уже мертва. С одним выколотым глазом, она плавала в воде, стучаясь о стенку дока. Он способен вас поцеловать, а потом убить – вот на что он способен, когда ненавидит.

Сестра Карлотта побарабанила пальцами по столу.

– Вот так дилемма... – пробормотала она.

– Что значит дилемма?

– Я собиралась тестировать и Ахилла тоже. Чтобы проверить, годится он для Боевой школы или нет.

Тельце Боба напряглось.

– Тогда не посылайте туда меня. Или я, или он.

– Ты что же... уверен... – ее голос дрогнул, – что он попытается убить тебя?

– Попытается? – В его голосе прозвучало презрение. – Он не пытается. Он убивает.

Сестра Карлотта знала, что способность убивать без жалости – одно из качеств, которое высоко ценится в Боевой школе. Наличие этого качества могло сделать Ахилла еще более привлекательным, чем Боб. В школе знали, как обузывать эту способность и направлять ее в нужную сторону.

Однако идея «одомашнивания» уличных хулиганов принадлежала не Ахиллу. Это была идея Боба. Невероятно, что такой маленький мальчик, почти младенец, смог придумать нечто подобное, а потом еще и воплотить. Такой ребенок – редкостный приз, он куда ценнее того, кто обречен жить лишь мстостью. Одно очевидно: брать их обоих нельзя. Конечно, можно взять Ахилла и поместить его в хорошую школу здесь, на Земле, чтобы изолировать от влияния улицы. Есть шанс, что постепенно он там цивилизуется, ведь это безжалостные законы улицы толкают его на подобную жестокость по отношению к своим товарищам.

Но Карлотта тут же поняла, что это полная ерунда. Вовсе не уличные законы заставили Ахилла убить Проныру, а гордыня. Каин тоже счел унижение достаточным поводом для убийства брата. И Иуда – тот тоже сначала поцеловал, прежде чем обречь на смерть. Она пыталась выставить зло механическим производным от нищеты. Все дети, живущие на улице, испытывают страх и голод, переживают беспомощность и отчаяние, но далеко не все становятся расчетливыми хладнокровными убийцами.

Если, конечно, Боб говорит правду. Но она в этом даже не сомневалась. Если же он все-таки лжет, значит ей пора умыть руки – она ничего не понимает в детях. А ведь действительно, в этом Ахилле изначально было что-то скользкое. Он льстил. Все его слова были тщательно подобраны с целью произвести впечатление. А Боб говорит мало и просто, да и

разговорить его нелегко. Он так мал, но ужас и горе, которые выплеснулись из него сейчас в этой комнате, абсолютно искренни.

Конечно, он тоже предлагал Проныре убить Ахилла.

Но только потому, что тот представлял опасность для других.

«Имею ли я право судить? Разве не Христос является истинным судьей живых и мертвых? Почему мне выпала такая участь, если я не имею на то права?»

– Боб, а ты не хочешь побыть у меня, пока я передам результаты твоего тестирования людям, принимающим решения насчет Боевой школы? Со мной ты будешь в безопасности.

Боб долго рассматривал свои ладони, кивнул, а затем, уронив голову на руки, громко зарыдал.

Тем же утром Ахилл появился в «гнезде».

– Нельзя мне вас бросать, – сказал он. – Слишком многое может пойти не так, как надо.

Он, как всегда, сводил ребятишек на завтрак. Но ни Проныры, ни Боба среди них не было.

Вернувшись с завтрака, Ахилл отправил Сержанта на разведку. Тот послушал, кто что говорит, поболтал с ребятами из других семей, выясняя, не случилось ли чего интересного. Наконец в окрестностях дока он услышал, как портовые грузчики обсуждают труп девочки, который утром нашли в реке. Девочка маленькая. Ее тело прикрыли брезентом и положили неподалеку до прибытия полиции. Больше Сержант не стал прятаться. Он направился напрямик туда, где лежал труп, и, даже не спрашивая разрешения у стоящих рядом взрослых, приподнял брезент, чтобы взглянуть на лицо утонувшей.

– Эй, пацан! Ты чего делаешь?!

– Ее зовут Пронырой.

– Так ты ее знаешь? Может, знаешь и того, кто ее убил?!

– Парень по кличке Улисс. Это он ее убил, – ответил Сержант.

Он опустил брезент и направился домой. Нужно сообщить Ахиллу, что его страхи оправдались: Улисс нанес свой удар по их семье, нанес вслепую, наугад.

– Теперь у нас нет иного выбора, кроме как убить его, – сказал Сержант, заканчивая свой доклад.

– Крови и без того пролилось достаточно, – ответил Ахилл, – но, боюсь, ты прав.

Кое-кто из малышни заплакал. Другой пискнул:

– Помнится, я уже почти умирал, когда Проныра подобрала меня и накормила.

– Заткнись! – велел Сержант. – Мы теперь питаемся куда лучше, чем когда Проныра была вожаком.

Ахилл положил ладонь на руку Сержанта, как бы сдерживая его:

– Проныра старалась делать для семьи все возможное. Она была хорошим вожаком.

И именно она привела меня к вам. В определенном смысле то, что я вам сейчас даю, дала вам именно Проныра.

Все серьезно кивнули, соглашаясь.

Кто-то спросил:

– Думаешь, Улисс и Боба убил?

– Тоже мне потеря! – фыркнул Сержант.

– Всякая потеря в моей семье – это большая потеря, – ответил Ахилл. – Больше их быть не должно. Либо Улисс немедленно уберется из города, либо он покойник. Распространи об этом слух, Сержант. Пусть все на улице знают, что вызов брошен. Ни одна городская столовка не пустит к себе Улисса, пока он не встретится со мной лицом к лицу. Он сам предрешил свою судьбу, воткнув нож в глаз Проныры.

Сержант отдал честь и убежал. Он был образцовым исполнителем приказов.

Он бежал, а по щекам его текли слезы. Ведь он никому не говорил, как именно умерла Проныра и что ее глаз превратился в кровавую дыру. Может, Ахилл узнал об этом от кого-нибудь еще? Может, слышал раньше, но решил ни с кем не делиться подробностями, пока не вернется с известием Сержант? Может быть. Все может быть. Но Сержант знал истину. Улисс никого не убивал. Это сделал Ахилл. Сделал то, что с самого начала предрекал Боб. Ахилл так и не простил Проныре, что она в свое время избила его. И он убил ее сейчас, чтобы свалить вину на Улисса. А теперь спокойно сидит и рассуждает о том, какая Проныра была добрая и как они ей все обязаны. Ведь то, что дает им Ахилл, дала им именно Проныра.

Значит, Боб был прав с самого начала. Во всем. Ахилл, возможно, и хороший отец, но по своей натуре он убийца и никого не прощает.

И Проныра тоже это знала. Ведь Боб ее предупредил. Но она все равно выбрала Ахилла им в папы. Выбрала – и погибла из-за этого. Она – как Иисус, о котором во время завтраков рассказывала Хельга. Она умерла за свой народ. А Ахилл... он – как Бог. Заставляет людей платить за грехи.

А к Богу надо быть ближе – разве не этому учила Хельга? Бог – это добро, а именно к добру следует стремиться.

«Я останусь с Ахиллом. Буду почитать отца своего, и это поможет мне выжить. А потом я вырасту и смогу уже обходиться без его помощи. А что до Боба, да, он умен, но не настолько, чтобы остаться в живых. Но если ты не настолько умен, чтобы выжить, не жалуйся, когда станешь мертвяком».

К тому времени, когда Сержант свернул за угол, спеша распушить слух о том, что Ахилл наложил табу на появление Улисса в городских столовках, – слезы на его щеках уже полностью высохли. Ведь речь шла о выживании. И хотя Сержант знал, что Улисс никого не убивал, он понимал: для безопасности семьи надо, чтобы Улисс умер.

Смерть Проныры была поводом разделаться с Улиссом – это была обязанность Ахилла, и остальные отцы семей должны были отойти в сторону. И когда это произойдет, Ахилл станет лидером среди старших Роттердама. А Сержант будет его правой рукой, потому что знает тайну Ахилла, но скрывает ее от всех, ибо благодаря этому и сам Сержант, и их семья, и все беспризорики Роттердама получают возможность выжить.

4 Память

– Я ошиблась насчет первого. Результаты его тестов достаточно хороши, но характером он не подходит для Боевой школы.

– Из тех тестов, которые вы мне показывали, этого не следует.

– Он очень умен. Он дает нужные ответы, но все они лживы.

– И каким же тестом вы воспользовались, чтобы выяснить это?

– Он совершил убийство.

– Да, это плохо. Но второй... Что мне с ним делать? Он же совсем малыш. Выудив такую рыбешку, правильнее бросить ее обратно в реку.

– Учите его. Кормите. Он подрастет.

– У него нет даже имени.

– Ошибаетесь.

– Боб? Это не имя. Скорее – чья-то шутка.

– Все будет иначе, когда он подрастет.

– Ладно, держите его у себя, пока ему не стукнет пять. Сделайте для него все, что сможете, а потом покажете мне результаты.

– Мне надо искать детей. Других.

– Нет, сестра Карлотта, не надо. За все годы поисков – это самая важная ваша находка. А время таково, что мы уже не можем тратить его на новые поиски. Доведите этого кандидата до ума, и с точки зрения Флота вы сделаете жизненно важное дело.

– Вы пугаете меня, говоря, что времени не осталось.

– Что тут такого страшного? Христиане уже несколько тысячелетий ждут конца света.

– Но он все не наступает.

– До поры до времени.

Сначала Боба интересовала только пища. Еды было много.

Сперва он съедал все, что ставили перед ним на стол. Он ел до тех пор, пока не наедался до отвала. «Наесться до отвала» – это было чудесное выражение, значения которого он до сих пор не мог представить. Он ел, пока в животе уже не оставалось места. Он ел так часто и так много, что на горшок ходил не только ежедневно, но порой даже по два раза в день.

– Я только и хожу: есть да по-большому, есть да по-большому! – как-то пошутил он.

– Как самая настоящая зверюшка, – ответила сестра Карлотта. – Но тебе надо учиться отрабатывать свой хлеб.

Конечно, она уже занималась с ним, занималась ежедневно чтением и арифметикой, стараясь «поднять его уровень», хотя никогда не поясняла насколько. Она отвела ему время для рисования, а иногда бывали и такие уроки, когда Боб просто сидел и старался вспомнить малейшие детали своего прошлого. Особенно сестру Карлотту заинтересовало «место, где было чисто». Но у памяти были свои пределы. Боб тогда был слишком мал, а его словарный запас слишком ограничен. Казалось, покров тайны не приоткрыть. Боб помнил, как перебирался через ограждение своей кровати и падал на пол. В то время он еще плохо ходил. Ползать было лучше, но ему нравилось ходить, как это делали взрослые.

Руками он хватался за всякие предметы и стены и уже неплохо держался на двух ногах, а ползал лишь тогда, когда надо было пересечь открытое пространство.

– Вероятно, тебе тогда было восемь или девять месяцев, – сказала сестра Карлотта. – Очень мало кто помнит то, что происходило до этого.

– Я помню, все беспокоились о чем-то. Потому-то я и вылез из кровати. Всем детям угрожала опасность.

– Всем детям?

– Таким же малышам, как я. И взрослым людям тоже. Некоторые из взрослых входили к нам, смотрели на нас и начинали плакать.

– Почему?

– Что-то плохое случилось. Я чувствовал, что приближается беда, знал, что с нами, с теми, кто лежит в кроватках, произойдет что-то очень плохое. Поэтому я выбрался. Но я не был первым. Не знаю, что случилось с остальными. Я слышал, как кричат взрослые, очень расстроенные видом пустых кроваток. Я спрятался. Меня не заметили. Может, остальных нашли, а может, и нет. Все, что я увидел, когда вылез, – это пустые кроватки и темная комната, на двери которой висела светящаяся табличка с надписью «Выход».

– Ты что, уже умел читать? – скептически уточнила сестра Карлотта.

– Конечно нет, – ответил Боб. – Но это были первые увиденные мной буквы, я не мог их забыть. И, научившись читать, я понял, что они означают.

– Значит, ты был один, кроватки пусты, а комната темная?

– Потом взрослые вернулись. Я слышал, как они говорят. Однако большей части слов не понимал. Я снова спрятался. В следующий раз, когда вылез, в комнатах не было даже кроватей. Вместо них стояли столы и шкафы. Офис. Нет, тогда я не знал, что такое офис, но теперь знаю и понимаю, во что превратились те комнаты. Люди приходили туда днем и работали. Сначала их было мало, но потом мое убежище перестало меня устраивать – труднее всего приходилось в часы, когда люди работали. Кроме того, мне очень хотелось есть.

– И где же ты прятался?

– Да ладно вам, вы же и сами знаете.

– Знала бы – не спрашивала.

– Вы ведь заметили выражение моего лица, когда вы показали мне туалет.

– Ты прятался в туалете?

– Да, в водяном бачке. Еле поднял крышку. Внутри было не особо уютно. Кроме того, я не знал, зачем эта штука нужна. Но люди стали пользоваться туалетом, уровень воды то падал, то поднимался, какие-то железные детали двигались и пугали меня. Кроме того, я уже говорил, что очень проголодался. Воды для питья – хоть отбавляй, но ведь мне самому приходилось туда писать. Мой подгузник промок и свалился с меня. Я был совсем голый.

– Боб, ты хоть понимаешь, что говоришь? Ты утверждаешь, что все это происходило с тобой, когда тебе и года еще не было?

– Это вы говорите, сколько мне было, а не я, – ответил Боб. – Я тогда о годах ничего не знал. Вы сказали: вспоминай. Чем больше я рассказываю, тем больше вспоминаю. Но если вы мне не верите...

– Я только... Нет, я тебе верю. Но кто были эти другие дети? Что за место, где ты жил, – «место, где чисто»? Кем были эти взрослые? Почему они куда-то унесли детей? Ясно, что там происходило что-то противозаконное.

– Возможно, – согласился Боб. – Так или иначе, я был рад выбраться из того туалета.

– Но ты был совсем голым, как ты сам только что сказал. И ты что, просто взял и вышел на улицу?

– Нет, меня нашли. Я открыл дверь туалета, и какой-то взрослый заметил меня.

– И что дальше?

– Он взял меня домой. Вот откуда у меня появилась одежда. То, что я тогда называл одеждой.

– Ты уже говорил?

– Немного.

– Значит, этот взрослый отнес тебя к себе домой и купил тебе одежду?

– Я думаю, это был уборщик. Теперь я уже кое-что знаю о профессиях и думаю, что тот взрослый был уборщиком. Работал он по ночам, а мундира охранника у него не было.

– И что же случилось дальше?

– Тогда я впервые узнал, что есть вещи законные, а есть незаконные. Он не мог держать ребенка, это было противозаконно. Я слышал, как он кричал на ту женщину. Они спорили обо мне, я многого не понял, но под конец он сдался, проиграл, а она выиграла, так что мне пришлось уйти, что я и сделал.

– Он просто выбросил тебя на улицу?

– Нет, я сам ушел. Теперь я думаю, что он хотел отдать меня кому-то еще, но я испугался и сбежал. Меня одели, накормили. Он был хорошим человеком. Надеюсь, у него не было из-за меня неприятностей.

– Тогда-то ты и стал жить на улице?

– Вроде бы так. Сначала мне повезло: я нашел два места, где меня подкармливали. Но всякий раз другие мальчишки – постарше – узнавали об этом, являлись туда, начинали тоже кланчить... Они кричали и шумели, и либо меня вовсе переставали кормить, либо старшие не пускали меня есть, отбирали у меня еду. Я очень боялся их. Однажды один мальчишка увидел, что я ем, и страшно разозлился. Он даже засунул мне в горло палку, заставив выблевать все съеденное прямо на мостовую. Потом попытался было съесть это, но не смог, его тоже вырвало. Это было самое страшное время. Я все время прятался. Прятался. Все время.

– И голодал?

– И наблюдал. Что-то ел. Иногда. Я ведь не умер.

– Верно, не умер.

– Но я видел многих умерших. Очень много мертвых детей. Больших и маленьких. И все время думал: а нет ли среди них тех – из «места, где было чисто»?

– Ты узнал кого-нибудь?

– Нет. Да и непохоже было, что они когда-либо жили там, где может быть чисто. И все они выглядели очень голодными.

– Боб, спасибо, что ты мне все это рассказал.

– Ну, вы же спросили.

– Но ты же понимаешь, что ты – такой малыш – не мог протянуть в таких условиях целых три года? Это просто невозможно.

– И что это значит? Что я умер?

– Я только... Я хотела сказать, что, должно быть, Бог хранил тебя.

– Ага. Возможно. Но почему же Он не позаботился о других умерших детях?

– Он прижал их к своему сердцу и возлюбил.

– А чего ж Он тогда меня не возлюбил?

– Нет, тебя Он тоже любит, просто...

– Раз уж Он так тщательно следил за мной, мог бы время от времени подкидывать кусочек-другой.

– Он привел меня к тебе. Наверное, у Него на тебя большие планы. Ты о них можешь и не знать, но Бог помог тебе выжить, значит Он ждет от тебя чего-то большого.

Боб уставал от разговоров на подобные темы. Сестра Карлотта выглядела такой счастливой, когда говорила о Боге, а он пока вообще ничего о Боге не знал, даже не знал, кто это такой. А она приписывала Богу каждое хорошее событие, зато когда случалось что-то плохое, она либо вообще не вспоминала о Боге, либо находила объяснение, согласно которому это плохое в конце концов оборачивалось хорошим. Но Бобу казалось, что умершие дети

предпочли бы остаться живыми и сытыми. Уж если Бог их так любил и к тому же мог осуществлять все свои желания, почему Он не сотворил для этих малышей чуть больше еды?

И наоборот, если Ему так уж хотелось, чтобы они умерли, почему Он не уморил их быстрее? Почему вообще дал им возможность родиться? К чему им было переносить все эти муки, к чему думать о том, как и чем продлить себе жизнь, раз он все равно собирался вскоре вобрать их в свое сердце? С точки зрения Боба, во всем этом не было никакого смысла. И чем больше сестра Карлотта старалась разъяснить этот смысл, тем меньше он его понимал. Если уж кто-то берется отвечать за все на свете, он должен быть честен и справедлив, а ежели он несправедлив, то почему сестра Карлотта так радуется тому, что именно он за все отвечает?

Но когда Боб попытался высказать эти свои мысли сестре Карлотте, она жутко расстроилась и стала еще больше говорить о Боге, пользуясь словами, которых Боб вообще не понимал. Вот он и решил: пусть она говорит что угодно, спорить с ней бесполезно.

А вот читать было интересно. И считать тоже. Это он любил. Получив бумагу и карандаш, он писал что хотел. Это было увлекательное занятие.

И еще карты. Не то чтобы сестра Карлотта собиралась учить Боба картам, просто на стенах висело несколько штук, и странные очертания разноцветных пятен на них буквально завораживали его. Боб часто подходил к ним, читал написанные мелким шрифтом слова – и однажды наткнулся на знакомое название реки – Маас.

Тут он понял, что голубые линии – это реки, а еще более обширные синие пятна – это такие места, где воды больше, чем в реках. А еще чуть позже Боб осознал, что некоторые названия на карте звучат так же, как названия улиц, которые он видел на указателях, и тогда он догадался, что перед ним карта Роттердама. Все стало понятным, все обрело свои места. Это был Роттердам, такой, каким его увидела бы птица, если бы дома стали невидимы, а улицы опустели. Он даже отыскал место, где находилось его «гнездо», а потом док, где умерла Проныра. И много всяких других мест нашел.

Когда же сестра Карлотта обнаружила, что Боб понимает карту, то жутко разволновалась. Она показала ему другие карты, на которых Роттердам был изображен в виде небольшого пятнышка, от которого отходили какие-то линии, или в виде точки, а то его и вовсе не было видно, хотя Боб знал, что город должен был находиться примерно вот здесь. Бобу было очень трудно понять, что мир так огромен и что в нем живет такое множество людей.

Потом сестра Карлотта снова подвела его к карте Роттердама и попыталась выяснить, где расположены те места, которые были ему знакомы в самые далекие дни его детства.

Но это было не так легко, ведь на карте-то все выглядело по-другому. У Боба ушло много времени, чтобы определить места, где его некогда подкармливали. Он указал их Карлотте, и та отметила на карте их положение. И вдруг Боб заметил, что все эти точки находятся в одном районе, причем вытягиваются в линию, в тропу, ведущую оттуда, где он некогда нашел Проныру, обратно во времени туда, где...

...Где и находилось то самое «чистое место».

Но где именно оно находилось? Он тогда был очень напуган – когда покидал с уборщиком «чистое место». Его точного расположения он не знал. Кроме того, как заявила сама сестра Карлотта, сторож мог жить где угодно. Так что все, на что могла надеяться Карлотта, следуя по тропе, уходящей в детство Боба, – это найти квартиру сторожа или, вернее, то место, где он жил три года назад. И, даже найдя сторожа, что можно было извлечь из его слов?

Он мог бы рассказать, где находилось «чистое место», вот и все. И тогда Боб понял: сестре Карлотте очень важно было узнать, откуда взялся он, Боб.

Узнать, кто он такой на самом деле.

Только... Он же знает, кто он такой. И Боб попытался объяснить это Карлотте:

– Но я ведь – вот он. И я такой, какой есть. Я не притворяюсь.

– Я знаю это! – воскликнула она, смеясь и обнимая его, что ему, в общем, нравилось.

Это было приятно. Хотя, когда она сделала это впервые, он не знал, куда девать руки. Тогда она показала, что он должен обнять ее за шею. Он видел, как маленькие дети делают то же самое со своими мамами и папами, но всегда считал, что они просто хватаются за родителей, чтобы случайно не упасть на землю и не потеряться на улице. Боб не знал, что так делают, чтобы стало приятно. Тело сестры Карлотты было местами жестким, а местами мягким, и обнимать ее было странно. А еще он вспомнил обнимающихся и целующихся Проныру и Ахилла, но целовать Карлотту Бобу не хотелось – даже после того, как он привык с ней обниматься. Обнимать себя он ей разрешал. Но сам обниматься не стремился. Вернее, ему это просто в голову не приходило.

Но порой сестра Карлотта обнимала его, когда не хотела что-то объяснять. И вот это ему не нравилось. Она, например, не захотела объяснять ему, почему ей так хочется найти «место, где чисто». Вместо этого она лишь обнимала его и восклицала «ах, мой милый!» и «ах ты, бедняжка!». Все это могло означать только одно: дело было гораздо важнее, чем хотела показать Карлотта, а самого Боба она считала слишком глупым и невежественным, чтобы он мог понять ее объяснения.

Он изо всех сил пытался припомнить новые детали, но теперь уже кое-что скрывал от сестры Карлотты – она ведь тоже не была с ним откровенна, а справедливость должна быть для всех одинакова. Он сам отыщет «место, где чисто». Без нее. А затем, может быть, расскажет ей – если сочтет, что ей нужно знать об этом. Вдруг там выяснится что-то плохое? И она выбросит его обратно на улицу? Или помешает ему отправиться в ту орбитальную школу? Ведь сначала она пообещала ему это, но потом, уже после тестов, которые, по ее словам, были пройдены на отлично, неожиданно выяснилось, что Боб не может отправиться на небо, пока ему не исполнится пять. Да и вообще он может туда не отправиться, ведь это было не только ее решение, – тогда-то Боб и понял, что сестра Карлотта не всегда властна над собственными обещаниями. Поэтому, если она узнает о нем что-нибудь плохое, может случиться так, что она и другие свои обещания выполнить не захочет. Например, обещание защитить его от Ахилла. Вот почему он сначала должен сам все выяснить.

Боб опять принялся изучать карту. Рисовал в уме всякие картинки, восстанавливая прошлое. Разговаривал сам с собой, перед тем как заснуть, вспоминал лицо уборщика, комнату, в которой тот жил, ступеньки лестницы, на которых стояла та злющая дама, которая орала на них.

В один прекрасный день, когда Боб решил, что вспомнил достаточно, он отправился в туалет – ему нравились туалеты, нравился звук спускаемой воды, хотя и пугало, с какой скоростью все исчезало. Затем, вместо того чтобы вернуться в комнату для занятий, он прокрался по коридору и добрался до двери, которая выводила прямо на улицу. Никто его не задержал.

И тут же Боб понял свою ошибку. Он так сильно старался вспомнить место, где жил уборщик, что совершенно забыл выяснить одну простую вещь – где на карте находится дом, где живет он, Боб. Это была совсем другая часть города, не та, которую он знал хорошо. Более того, это был совсем другой мир. Вместо улиц с людьми, идущими пешком, толкающими перед собой коляски и тележки, едущими на мотоциклах и роликах, здесь тянулась широкая пустая дорога с припаркованными вдоль тротуаров машинами. И ни одной лавки. Только жилые дома и офисы, либо жилые дома, переделанные в офисы с маленькими табличками на дверях. Единственное здание, не похожее на другие, – дом, из которого он только что вышел: массивное, приземистое, намного больше остальных. И при этом вообще без вывески.

Боб знал, куда ему надо попасть, но не имел ни малейшего представления о том, как ему туда добраться.

Первой мыслью было: надо спрятаться. Но Боб тут же вспомнил, что сестра Карлотта отлично знает, как он прятался в «чистом месте», а потому сразу догадается, что он прячется и теперь, и немедленно обыщет все закоулки вблизи.

Тогда он побежал. Он сам удивился, поняв, каким сильным и быстрым стал. Казалось, он может бежать так же быстро, как летают птицы, и никогда не устанет, будет бежать хоть вечно. Промчался от угла до угла, свернул за угол, и вот он уже на совсем другой улице. Потом еще одна улица, потом еще и еще, и вот он уже сам не понимает, где он, – впрочем, он с самого начала не знал, где находится, так что заблудиться еще основательнее невозможно.

Боб то шел, то бежал трусцой, то стрелой пронесся по улицам и переулкам, пока не сообразил, что ему надо отыскать какой-нибудь канал или речку, которые выведут его к главной реке или знакомому месту. С первого попавшегося мостика он определил, куда течет вода, и потом уже выбирал только те улицы, которые шли близко к воде и в нужном направлении. Пока он все еще не знал, где находится, но, во всяком случае, действовал по плану.

И план сработал. Боб вышел к реке и шагал вдоль ее берега, пока не понял: вон там вдаль, скрытый за изгибом русла, тянется бульвар Маас, а уж он-то приведет его прямо к тому месту, где была убита Проныра.

Этот изгиб реки Боб хорошо запомнил по карте. Теперь он знал, где находятся те отметки, которые делала на ней сестра Карлотта. Он решил, что ему следует, пройдя по запомнившимся ему улицам, обойти по порядку все те места, где он когда-то обитал. Когда все это останется за спиной, где-то совсем рядом окажется район, в котором находится дом уборщика. Однако следует соблюдать особую осторожность, так как Боба могут узнать, да и сестра Карлотта почти наверняка свяжется с полицией, и его обязательно станут разыскивать там, где обычно собираются беспризорники, ибо решат, что Боб захотел опять вернуться к прежнему образу жизни.

Только они забыли, что он не голоден. А раз не голоден, то и торопиться ему ни к чему.

Боб сделал большой крюк в сторону. Подальше от реки, подальше от центральной части города, куда со всех сторон стекались бездомные. Когда ему встречались улицы поживленнее, Боб тоже обходил их стороной. Боб заложил такой большой крюк, что шел весь вечер и утро следующего дня. Более того, в определенный момент он вообще вышел за пределы города и впервые в жизни увидел сельский пейзаж, похожий на картинку: пашни, дороги, лежащие выше окружающих полей. Сестра Карлотта рассказывала ему, что большая часть обрабатываемых земель находится ниже уровня моря и что только огромные плотины удерживают воду от того, чтобы прорваться и залить всю страну. Но Боб знал, что к плотинам он не пойдет. Во всяком случае, пешком.

Потом он снова вернулся в город уже в районе Шибрук и во второй половине того же дня наткнулся на знакомое название улицы – Рингдейк. К ней примыкала другая улица, чье название было на языке, которого Боб не понимал. Там был ресторан, вывеску которого теперь он мог прочесть, – ресторан был армянским, как, видимо, и язык, на котором разговаривала та женщина, что его кормила.

«Как же ты здесь оказался, Боб? Почувствовал запах еды, когда проходил мимо?» Боб прогулялся по улице сначала в одну сторону, потом в другую, оглядываясь по сторонам, пытаясь вспомнить хоть что-то.

– Эй, жирдяй, ты чего тут забыл?

Двое ребят, лет восьми. Воинственные, настороженные, но не хулиганы. Вероятно, члены местной банды. Вернее, семьи – перемены, вызванные Ахиллом, вероятно, дошли и сюда. Хотя кто знает, распространились ли они на эту часть города?

– Я должен здесь встретиться со своим папой, – сказал Боб.

– А кто твой папа?

Боб не был уверен, что они не путают два понятия: папа – глава семьи и папа – отец ребенка.

– Ахилл, – все же рискнул он.

Мальчишки с сомнением воззрились на него:

– Так он же там, ниже по течению. И с чего это он будет встречаться тут с каким-то откормленным поросенком?

Впрочем, их сомнения ничего ровным счетом не значили. Важно было другое – слава Ахилла разнеслась по всему городу.

– А с чего это я стану рассказывать вам про дела моего папы? – ответил Боб. – И в его семье все такие толстые. Ведь мы едим до отвала.

– И все такие же коротышки?

– Раньше я тоже был выше, да слишком много вопросов задавал, – дерзко ответил Боб, протискиваясь мимо них.

Он двинулся по Розенлаан, в ту сторону, где, как ему представлялось, мог жить уборщик.

Мальчишки за ним не увязались. Наверное, подействовало имя Ахилла – или уверенность, с которой говорил Боб, словно ему нечего было бояться.

А потом все опять стало совсем чужим. Боб внимательно смотрел по сторонам, надеясь, что узнает улицы, по которым уходил из дома уборщика. Нет, все тщетно. Он бродил, пока не стемнело, но даже тогда не отказался от своих поисков.

Повезло ему совершенно случайно. Боб остановился под уличным фонарем, пытаясь прочесть название улицы на прибитой к фонарному столбу табличке, как вдруг заметил на самом столбе нацарапанные значки и буквы. RQDVM – вот что там было вырезано. Боб не имел ни малейшего представления о том, что это может означать. Он вообще не помнил эту надпись, но вдруг узнал. Он видел ее раньше. Даже не один раз. Значит, квартира уборщика была совсем рядом.

Боб медленно огляделся, тщательно фиксируя все детали. Вот оно! Небольшой многоквартирный жилой дом с наружной и внутренней лестницами.

Уборщик жил на самом верху. Цоколь, первый этаж, второй, третий. Боб подошел к почтовым ящикам и попробовал прочесть фамилии квартиросъемщиков, но таблички были слишком высоко, да и надписи сильно выцвели, а кое-где вообще отсутствовали.

Какая разница – ведь фамилии-то уборщика Боб все равно не знал. Нечего было и надеяться, что он ее распознает по табличке на почтовом ящике.

Внешняя лестница не доходила до верхних этажей. Ее, надо думать, пристроили к офису доктора, расположенному на втором этаже. А поскольку ночь уже наступила, то и дверь была заперта.

Ничего не оставалось, кроме как ждать. Если придется, то всю ночь напролет. Тогда утром он войдет в одну из дверей. А может, кто-нибудь придет домой ночью, и тогда Боб проскользнет внутрь дома вслед за ним.

Боб уснул, проснулся, снова уснул и снова проснулся. Он боялся, что его заметит полицейский и прогонит отсюда, а потому, проснувшись во второй раз, решил прервать свое ночное дежурство. Забравшись под лестницу, он свернулся калачиком, надеясь без помех провести тут всю ночь.

Проснулся он от пьяного хохота. Было еще темно, шел мелкий дождик – такой слабый, что еле-еле смочил ступеньки лестницы, а одежда Боба вообще не промокла. Он высунул голову, чтобы посмотреть, кто там хохочет. Это были мужчина и женщина, оба пьяные и веселые. Мужчина щупал, щекотал и щипал женщину, а та в шутку отбивалась от его приставаний.

– Ты что, уж и обождать не можешь? – спрашивала она.

– Никак не могу, – отвечал он.

– А сам опять захрапишь, так ничего и не сделав? – проворчала женщина.

– Не на сей раз! – решительно возразил мужчина. И тут его вырвало.

Женщина брезгливо отвернулась и зашагала вперед, не дожидаясь своего спутника. Он тащился за нею пошатываясь.

– Мне уже лучше, – пробормотал он. – Теперь все пойдет как надо.

– Цена выросла, – холодно ответила женщина. – И не забудь зубы почистить.

– Да почищу я, почищу...

Теперь они стояли перед домом. Боб приготовился проскользнуть в дверь за ними.

И вдруг понял, что его ожидание подошло к концу. Мужчина – тот самый уборщик из далекого-далекого прошлого.

Боб выступил из темноты.

– Спасибо, что доставили его домой, – вежливо сказал он женщине.

Мужчина и его спутница уставились на него с безмерным удивлением.

– А ты еще кто такой? – спросил уборщик.

Боб поглядел на женщину и многозначительно закатил глаза.

– Вот ведь нажрался, – сказал он и обратился к сторожу: – Мама совсем не обрадуется, увидев, что ты опять заявился домой в таком виде.

– Мама? – возопил уборщик. – Что за чушь ты несешь, черт тебя дери?

Женщина с силой оттолкнула своего кавалера. Он так плохо удерживал равновесие, что отступил на несколько шагов, ударился спиной о стену и медленно сполз по ней, хлопнувшись задницей о тротуар.

– Надо было раньше сообразить! – заорала женщина. – Значит, ты притащил меня к своей жене?

– Да не женат я! – ругался уборщик. – И пацан этот не мой!

– Я абсолютно уверена в том, что ты говоришь правду, – ядовито сказала женщина, – но ты лучше позволь ему помочь тебе взобраться по лестнице. Mamочка-то ждет. – И она пошла прочь.

– А как же мои сорок монет! – жалобно завопил уборщик, заранее зная ответ.

Женщина сделала непристойный жест и растаяла в ночи.

– Ах ты, паршивый недоносок! – прорычал уборщик.

– Мне надо было поговорить с вами наедине, – ответил Боб.

– Кто ты вообще такой, негодяй? И кто твоя мать?

– Вот это-то я и хочу выяснить, – ответил Боб. – Я тот ребенок, которого вы нашли в туалете и принесли домой. Три года назад.

Мужчина смотрел на него, онемев.

Внезапно темноту прорезал луч света. Потом другой. Боб и уборщик оказались в перекрестье ярких фонариков. Их окружили четверо полицейских.

– Даже не пытайся бежать, малыш, – сказал один коп. – И ты тоже, мистер Гуляка.

Но сразу затем раздался голос сестры Карлотты.

– Они не преступники, – сказала она. – Мне нужно только поговорить с ними. Вон там – наверху, в его квартире.

– Вы за мной следили? – спросил ее Боб.

– Я знала, что ты его разыскиваешь, – ответила Карлотта. – И не хотела вмешиваться до тех пор, пока ты его не отыщешь. А на всякий случай, если ты, молодой человек, считаешь себя непревзойденным ловкачом, разреши уведомить тебя, что по пути мы перехватили четырех уличных бандитов, которые охотились за тобой.

Боб снова закатил глаза:

– Вы думаете, я забыл, что такое улица?

Сестра Карлотта пожала плечами:

– Просто не хотела, чтобы ты впервые в жизни совершил ошибку.
И усмехнулась. С изрядным сарказмом.

– Итак, как я уже говорил, от Пабло де Ночеса мы не узнали почти ничего. Он иммигрант, живет только ради того, чтобы иметь возможность покупать себе проституток. Один из тех отбросов общества, которые стекаются сюда со всех сторон с тех самых пор, как Голландия стала Международной зоной.

Сестра Карлотта спокойно ожидала, когда инспектор полиции закончит свою речь, обильно пересыпанную всякими «как-я-уже-говорил». Но когда он упомянул о полной бесполезности уборщика, она не могла не возразить:

– Он взял себе этого ребенка. Накормил его и позаботился о нем.

Но инспектор лишь отмахнулся:

– Как будто нам беспризорников мало. Такие, как он, только и способны, что размножаться.

– Но все-таки вы от него кое-что узнали, – сказала сестра Карлотта. – Например, где он нашел ребенка.

– Дело в том, что найти людей, которые арендовали это здание, мы не сможем. У нас нет ничего, кроме названия той фиктивной конторы, но зацепиться не за что. Нет никакой возможности выяснить, кто они такие.

– Это «ничего» уже кое-что. Как я вам рассказывала, эти люди держали в том помещении много детей. Они прикрыли свое заведение в большой спешке и забрали оттуда всех детишек, кроме одного. Вы утверждаете, что компания фиктивная и ее отыскать невозможно. Но разве опыт не подсказывает вам, чем именно занимались в том помещении?

Инспектор пожал плечами:

– Конечно. Ферма органов.

– И что, никаких других вариантов нет? – На глазах у сестры Карлотты выступили непрошеные слезы.

– В богатых семьях рождается много неполноценных детей, – сказал инспектор. – Существует обширный черный рынок детских органов. Мы закрываем такие лаборатории, когда получаем о них сведения. Вполне допускаю, что полиция уже начала подбираться и к этой лаборатории, хозяева об этом узнали и быстренько смылись. Но в нашем департаменте нет никаких сведений о делах подобного рода, относящихся к интересующему вас году. Так что ничего у нас нет.

На этот раз сестра Карлотта спокойно отреагировала на неспособность инспектора оценить всю важность полученной информации.

– А откуда вообще берутся дети?

Инспектор удивленно воззрился на нее, словно она спрашивала, имея в виду буквальное значение фразы.

– Эти торговцы детскими органами, – разъяснила она, – откуда они берут детей?

Инспектор опять пожал плечами:

– Обычно все эти дети – результаты абортов на поздних сроках. Кое-кто договаривается с клиниками. Отказные дети. Все в таком вот роде.

– Это единственные источники?

– Трудно сказать. Кого-то, может, похищают. Но не думаю, что это основной источник, – не так уж много детей можно пронести мимо системы внутренней безопасности в родильных домах. Продажа собственных детей? Да, об этом поговаривают. Семья беженцев прибывает с восьмью детьми, а через несколько лет у них только шестеро. Они оплакивают умерших, но кто может что-либо доказать? Проследить все это довольно затруднительно.

– Причина, которая заставляет меня интересоваться, – сказала сестра Карлотта, – заключается в том, что это необыкновенный ребенок. В высшей степени необыкновенный.

– Три руки? – спросил инспектор.

– Талантливый. Умный. Он убежал из того места, когда ему еще и года не было. Он почти не умел ходить.

Инспектор некоторое время обдумывал информацию.

– Уполз, значит?

– Спрятался в туалетном бачке.

– Поднял крышку, хотя ему не было и года?

– Говорит, что поднять ее было трудно.

– Наверняка она была из дешевой пластмассы, а не фаянсовая. Вы же знаете, какую дрянь теперь ставят в сортирах.

– Поэтому вы понимаете, как важно для меня выяснить происхождение ребенка. Его родители должны обладать в высшей степени интересными генами.

Инспектор опять пожал плечами:

– Некоторые ребятишки сами по себе рождаются смышленными.

– Всегда есть элемент наследственности. Такой ребенок должен иметь... поистине замечательных родителей. Родители гениев часто сами проявляют блестящие способности.

– Может быть. А может, нет, – ответил инспектор. – Некоторые из этих беженцев вполне могут быть гениями, но им сейчас нелегко приходится. Чтобы спасти других своих детей, могут продать одного. Кстати сказать, это весьма *умно*. Так что гениальность этого мальчика вовсе не исключает возможности его происхождения от беженцев.

– Согласна, это возможно, – кивнула сестра Карлотта.

– Полагаю, больше вы ничего не узнаете. Потому что этот Пабло де Ночес ничего толком не знает. Он и название того испанского города, откуда приехал, и то еле-еле вспомнил.

– Он же был пьян, когда вы его допрашивали.

– И еще допросим, когда протрезвеет, – хмыкнул инспектор. – И вам сообщим, если что-то появится. А пока вам придется удовлетвориться тем, что я рассказал.

– Самое главное у меня уже есть. Мне достаточно знать, что этот ребенок – чудо и Бог хранил его для какой-то очень высокой цели.

– Я не католик, – сказал инспектор.

– Но Бог вас все равно любит, – жизнерадостно ответила сестра Карлотта.

Часть вторая Залетный

5

Приготовиться к взлету

– Зачем вы пытаетесь навязать мне этого пятилетнего беспризорника?

– Вы же видели его баллы.

– И вы думаете, я им поверю?

– Поскольку вся система воспитания в Боевой школе построена на идее непогрешимости нашей программы тестирования, то да, думаю, вам все же стоит обратить на них внимание. Я провел и кое-какие собственные изыскания. Ни один из известных мне детей таких результатов еще не показывал. Даже ваш «звездный мальчик».

– Я не сомневаюсь в эффективности тестирования. Я сомневаюсь в человеке, который проводил это тестирование.

– Сестра Карлотта – монахиня. Вряд ли вы найдете на свете другого столь же порядочного человека.

– Честные люди склонны обманывать самих себя. Отчаянно желая успеха после стольких лет безрезультатных поисков, в надежде найти одного-единственного ребенка, чья ценность перекроет все, что сделано за долгую жизнь...

– И она нашла его.

– Да вы только вспомните, как она его нашла. В первом своем докладе она расхваливает какого-то Ахилла, а этот Боб – вернее сказать, бобовое зернышко – только упомянут. Затем Ахилл исчезает, о нем больше ни слова. Он что, умер? Разве она не пыталась заставить нас вылечить ему ногу? Но нет, теперь ее кандидат – Пресвятой Зеленый Горошек.

– Он и сам себя называет Бобом. Как ваш Эндрю Виггин называет себя Эндером.

– Он не *мой* Эндрю Виггин.

– Точно так же, как Боб – не сын сестры Карлотты. Если бы она имела склонность завышать баллы и фальсифицировать результаты, то давно уже попыталась бы пропихнуть к нам кого-нибудь из своих воспитанников. Мы уже знали бы, что она ненадежна. Но она ни разу не была замечена в чем-то подобном. Она сама отбирает своих ребят, а затем подыскивает им места в земных школах или программах, которые не связаны с подготовкой командного состава. Я полагаю, вы просто раздражены, так как уже решили сфокусировать все свое умение и энергию на этом самом Виггине и не желаете отвлекаться по пустякам.

– Я что, ошибся дверью и попал на прием к психологу?

– Если я ошибся в своих выводах, прошу извинить меня.

– Конечно, я дам этому малышу шанс. Хотя ни на секунду не верю в эти его результаты.

– Нет, речь идет не о шансе. Его надо развивать, продвигать, проверять на прочность.

Ставить перед ним препятствия. Не позволять ему лениться.

– Вы недооцениваете нашу программу. Мы развиваем, продвигаем и проверяем на прочность всех наших учеников.

– Но некоторые из них более равны, чем другие.

– Просто некоторые курсанты извлекают из программы больше, чем остальные.

– Что ж, я с радостью сообщу сестре Карлотте о вашем энтузиазме.

Сестра Карлотта в буквальном смысле слова обрыдалась, сообщая Бобу, что им пришло время расстаться. Боб не пролил ни слезинки.

– Я понимаю, что ты боишься, Боб, но бояться не надо, – говорила она. – Там ты будешь в полной безопасности и очень многому научишься. Ты с такой страстью поглощаешь знания, что скоро почувствуешь себя совершенно счастливым. Пройдет совсем немного времени, и ты уже не будешь страдать от нашей разлуки.

Боб поморгал. Разве он дал какие-нибудь основания думать, что боится? Или что будет по ней скучать?

Ничего такого Боб не ощущал. Когда они встретились впервые, он, вполне возможно, был склонен питать к сестре Карлотте нежные чувства. Она была добра. Она его хорошо кормила. С ней он чувствовал себя в безопасности, она подарила ему новую жизнь.

Но когда Боб отыскал Пабло, сестра Карлотта сразу вмешалась и не дала ему поговорить с человеком, который спас ему жизнь куда раньше, чем это сделала она. Кроме того, сестра Карлотта наотрез отказалась рассказывать что-либо о «месте, где было чисто».

С того самого дня он потерял доверие к сестре Карлотте. Боб понял, что все ее поступки – вовсе не ради его блага. Она его использует. Но для чего – он пока не понял. Может, знает он всю правду, он сделал бы точно такой же выбор. Но она ничего ему не говорила. У нее были секреты от него. Как у Ахилла.

За те месяцы, которые она была его учителем, Боб отстранялся от нее все дальше и дальше. Все, чему она его учила, он запоминал, как запоминал и то, чему она его не учила. Он выполнял все тесты, которые она ему давала, выполнял хорошо, но старался не демонстрировать того, что усвоил помимо ее уроков.

Конечно, жить у сестры Карлотты было куда лучше, чем на улице, так что возвращаться к своему прежнему существованию у Боба не было ни малейшего желания. Но все равно сестре Карлотте он не доверял. Все время держался настороже, как в свое время в семье Ахилла. Тогда, в самом начале, когда он открыто плакал перед сестрой Карлоттой, когда открывался ей, не думая о возможных последствиях... Он считал тогдашнее свое поведение ошибкой, которую больше никогда не повторит. Жизнь стала лучше, да, но Боб не чувствовал себя в безопасности. Не чувствовал себя дома.

Он знал, что слезы сестры Карлотты искренние. Она и в самом деле любит его и наверняка будет тосковать, когда он уедет. В конце концов, он ведь был образцовым ребенком – спокойным, жизнерадостным, послушным. Для нее это значит, что он был «хорошим». Но для него это был единственный способ продолжать получать еду и знания. Он был совсем неглуп.

Почему она решила, что он боится? Потому что сама боялась за него? Значит, весьма вероятно, и ему есть чего бояться. Нужно быть предельно осторожным.

И с чего она взяла, что ему будет ее не хватать? Потому что она будет скучать по нему? Очевидно, сестра Карлотта даже представить себе не могла, что его чувства могут быть иными. Она нарисовала для себя некий образ. Как в игре «Представь себе», в которую она несколько раз предлагала ему поиграть. Наверняка вспоминала свое детство, те времена, когда росла в доме, где всегда была в избытке еда. Но Бобу, когда он жил на улице, не надо было «представлять», чтобы тренировать свое воображение. Он и так постоянно что-то придумывал: как добыть еду, как заставить принять себя в банду, как выжить в мире, где ты никому не нужен. Ему приходилось «представлять», где и как Ахилл расквитается с ним за советы, некогда данные Проныре. Приходилось «представлять» всякие опасности, ждущие за углом, например тех же хулиганов, только и ждущих возможности отобрать у него последний кусок. О, у Боба было богатое воображение! И ни малейшего желания играть в «Представь себе».

Он вел другую игру. Она занимала все его время. Давай-ка притворимся, что Боб – чудесный малыш. Притворимся, что Боб – это сын, которого в реальности монахиня иметь не может. Притворимся, что, когда Боб будет уезжать, он заплачет, а если не заплачет, значит боится своей новой школы, полета в космос или стесняется проявить свои эмоции. Давай-ка притворимся, что Боб любит сестру Карлотту.

И, однажды осознав все это, Боб сделал свой выбор. От того, во что она верит, ему ни горячо ни холодно. А ей необходимо верить во что-то. Так почему бы не дать ей это? «В конце концов, и Проныра взяла меня в свою банду не потому, что я был нужен, а потому, что в этом не было ничего плохого. Да, Проныра могла бы поступить именно так, как я сейчас».

Поэтому Боб встал, обошел стол и, подойдя к сестре Карлотте, обхватил ее обеими руками. Она схватила его, посадила на колени и крепко прижала к себе. Ее слезы падали прямо на макушку Боба, и он очень надеялся, что это не из носа у нее течет. Боб прижимался к ней, пока она удерживала его, а когда она разжала руки, он тоже отпустил ее. Это было именно то, чего она хотела, – единственная плата, которую она потребовала у Боба за все это время. За все ужины, все обеды, все уроки, книги, знания, языки – за все свое будущее он заплатил ей, приняв участие в игре «Представь себе».

И вот этот момент остался позади. Он слез с колен сестры Карлотты. Она вытерла глаза. Потом встала, взяла за руку и отвела к уже ожидающей его машине.

Когда Боб вышел на улицу, одетые в военную форму люди направились к нему. То была не серая форма Международной полиции – главных обидчиков уличных детей, против которых полицейские охотно пускали в ход свои палки. Нет, то были синие мундиры, вероятно означающие принадлежность к МФ, выглядевшие такими чистыми и аккуратными, что люди смотрели на них не со страхом, а с восхищением. Эти мундиры олицетворяли некую далекую силу, которая защищала человечество, силу, на которую возлагались все надежды. Именно к этим людям предстояло присоединиться Бобу.

Но Боб был такой маленький, что, когда военный посмотрел на него с высоты своего роста, он даже испугался и изо всех сил вцепился в руку сестры Карлотты. Неужели и он станет таким же? Станет человеком в мундире, на которого все будут смотреть с восхищением? Но почему же ему так страшно сейчас?

«Я боюсь, – подумал Боб, – потому что не понимаю, как это я стану таким огромным».

Один из военных наклонился к Бобу, чтобы посадить его в машину. Но Боб сердито зыркнул на него.

– Я сам справлюсь, – сказал он.

Военный еле заметно кивнул и выпрямился. Боб с трудом достал ногой до высокой подножки автомобиля. Потом подтянулся, хотя сиденье, за которое он цеплялся, было очень скользким. Однако он все же забрался в машину и гордо уселся посреди заднего сиденья, откуда меж двух передних спинок можно было видеть, куда они едут.

Один из военных сел на водительское место. Боб ожидал, что другой сядет рядом с ним сзади, и уже предвидел спор по поводу того, может Боб занимать центральное место или ему придется подвинуться. Но второй военный предпочел сесть рядом с водителем, так что Боб остался сзади один.

Он взглянул в боковое окно и увидел сестру Карлотту. Она все еще вытирала глаза носовым платком. Карлотта еле заметно махнула ему рукой. Боб помахал в ответ. Карлотта всхлипнула. Машина скользнула вдоль магнитного рельса дороги.

Вскоре они уже оказались за пределами города, бесшумно скользя на скорости сто шестьдесят километров в час. Впереди их ждал аэропорт Амстердама – один из трех европейских аэропортов, откуда стартовали орбитальные челноки. Боб попрощался с Роттердамом. И вскоре ему предстояло попрощаться с Землей.

На самолетах Боб никогда не летал, а потому не мог оценить разницу между ними и челноками, хотя остальные мальчишки только это и обсуждали: «Я думал, они куда больше!» – «А разве им тоже нужна взлетная полоса?» – «Столики были только в старых челноках. А в новых их убрали. А все потому, что в невесомости ты на них все равно ничего не поставишь, дурья твоя башка».

Для Боба небо было небом, и оно интересовало его исключительно с практической точки зрения: пойдет снег или дождь, будет гроза или станет жечь солнце. Поэтому ему без разницы было куда лететь – в небо или в сам космос.

А вот что его действительно заинтересовало, так это другие дети. Большинство из них были мальчишки, все как один старше его. И уж конечно, значительно крупнее. Некоторые из них смотрели на него с непонятным выражением на лице.

– Он настоящий или это кукла? – раздался у него за спиной чей-то шепот.

В насмешках по поводу его роста и возраста ничего нового для Боба не было. Наоборот, его удивило, что подобных ремарок было очень мало, да и те почему-то произносились шепотом.

Но насколько необычным казался им он, настолько же необычными выглядели они в его глазах. Они были такие толстые, такие мягкие. Их тела походили на подушки, щеки казались словно надувными, у них были густые волосы и одежда, которая так хорошо сидела на них. За последние месяцы Боб тоже поднакопил кое-какой жирок, чего с ним не случилось с тех самых пор, как он покинул «место, где было чисто», но самого себя он не видел, а этих детишек мог рассматривать со всех сторон, мог сравнивать с другими, уличными ребятами. Сержант разорвал бы любого из них пополам. А Ахилл вообще... Нет, о нем лучше не вспоминать.

Боб попробовал представить этих детишек в очереди к дверям благотворительной столовки. Или ищущими бумажки от конфет, чтобы потом вылизать их. Забавное зрелище было бы. За всю свою жизнь эти детишки не пропустили ни одного обеда. Бобу захотелось изо всех сил пнуть их в живот, чтоб их вырвало той пищей, которой они сегодня набили свое брюхо. Пусть ощутят боль в желудке, пусть узнают, что такое голод, который гложет тебя изнутри. И пусть этот голод грызет их и на следующий день, и утром, и вечером, и тогда, когда они ходят, и тогда, когда спят; пусть они почувствуют нарастающую слабость, воспаление в горле, обморочную дрожь глазных яблок, головную боль, тошноту, опухающие суставы, жидкий понос; пусть узнают, каково это, когда с каждой минутой твои мускулы слабеют и ты еле-еле держишься на ногах. Этим детишкам никогда не приходилось смотреть в лицо смерти, а потом жить дальше – непонятно как, но жить. Они так самоуверенны. Так беспечны.

«Они мне и в подметки не годятся».

И ровно с той же уверенностью он ощутил: «Мне никогда с ними не сравняться». Они всегда будут крупнее, старше, сильнее, быстрее, здоровее. Счастливее. Они громко и хвастливо болтают друг с другом, с тоской вспоминают о доме, смеются над теми детьми, которые не смогли попасть в Боевую школу, и притворяются, будто бы точно знают, что их ждет там, на орбите. Боб молчал. Он только слушал и наблюдал за их поведением, за тем, как некоторые из них уже сейчас пытаются занять определенное место в будущей социальной иерархии. Другие держались подавленно, зная, что их место где-то в самом низу, а кое-кто, наоборот, расслабился – этих ничего не волновало, они знали, что всегда будут в самом начале очереди за едой, всегда будут наверху. Какая-то часть души Боба подначивала его немедленно вступить в бой, выиграть его, когтями продраться на самую вершину горы. Но другая часть, напротив, не хотела принимать в происходящем никакого участия. В самом деле – велика ли честь стать вожаком в стае дворняжек?

Потом Боб поглядел на свои руки и на руки мальчика, сидевшего рядом. Да, в сравнении с ними он действительно смотрелся куклёнком.

Кое-кто из ребят начал жаловаться, что, мол, проголодался. Все они последний раз ели не меньше чем двадцать четыре часа назад – таково было одно из правил полета на челноке. Большинству этих мальчиков и девочек никогда еще не приходилось оставаться без еды так долго.

Для Боба же пробыть двадцать четыре часа без пищи было делом абсолютно нормальным. В его банде голод становился насущной проблемой, когда ты уже неделю сидел без еды.

Челнок взлетал как простой самолет, но ему требовалась гораздо более длинная полоса, чтобы набрать нужную скорость, – настолько он был большим и тяжелым. Боб с интересом наблюдал за взлетом: челнок мчался вперед, но пассажиры движения не ощущали – только чуть заметное покачивание да подпрыгивание, как будто шасси задевали крохотные неровности на взлетной полосе.

Набрав приличную высоту, челнок состыковался с двумя топливозаправщиками, чтобы пополнить запас горючего, необходимого для преодоления силы земного притяжения. Если бы в челнок изначально залили такой объем топлива, он вряд ли смог бы оторваться от земли.

Пока шла дозаправка, в дверях салона появился мужчина и остановился на пороге, внимательно присматриваясь к рядам кресел. Его голубая, как небо, форма была идеально чиста и прекрасно отглажена, а улыбка выглядела такой же накрахмаленной и отутюженной, как белоснежная рубашка.

– Мои славные, милые детки, – начал он, – некоторые из вас, очевидно, еще не умеют читать. Вы должны быть пристегнуты в креслах ремнями в течение всего полета. Почему же я этого не вижу? Вы собрались куда-то выйти прогуляться?

Раздались дружные щелчки застежек, прозвучавшие подобно россыпи аплодисментов.

– И еще хочу посоветовать вам: каким бы надоедливым или занудным ни показался вам ваш сосед, не следует давать волю рукам. Надо помнить, что и другие дети могут иметь точно такие же баллы по тестам, как у вас самих, а кое у кого они могут быть значительно выше.

«Это невозможно, – подумал Боб. – У кого-то из нас все равно самый высокий балл».

Мальчик, который сидел через проход от Боба, видимо, думал так же, а потому насмешливо пробормотал:

– Ну да, конечно.

– Я сделал некое заявление, а потому готов к тому, что оно может быть оспорено, – сказал мужчина. – Будь добр, поделись с нами идеей, которая настолько тебя захватила, что ты не смог промолчать.

Мальчик, вероятно, уже понял, что допустил ошибку, однако решил не сдаваться:

– У кого-то здесь должен быть самый высокий балл.

Мужчина продолжал смотреть на оппонента, явно ожидая продолжения.

«Как будто приглашает его вырыть себе могилу поглубже», – подумал Боб.

– Ну, сначала вы сказали, что тут у всех могут быть одинаково высокие баллы, а потом заявили, что у кого-то они могут быть выше. Одно противоречит другому.

Мужчина по-прежнему ждал.

– Это все, что я хотел сказать.

– Ну и как ты себя чувствуешь? Лучше?

Мальчик угрюмо молчал.

Ни на секунду не отпуская своей идеальной улыбки, мужчина резко сменил тон. Теперь вместо сарказма звучала явная угроза.

– Я задал тебе вопрос, мальчик.

- Нет, я не чувствую себя лучше.
- Как твое имя? – спросил мужчина.
- Нерон.

Двое ребяташек, которые, видимо, что-то вспомнили из курса истории, захихикали. Боб тоже кое-что слышал об императоре Нероне, но смеяться не стал. Он понимал, что тому, кого прозвали Боб, не стоит смеяться над именами других. Кроме того, обладатель подобного имени и без того нес на плечах солидное бремя. Поведение мальчика говорило о силе его характера и о его упрямстве, ведь он мог назвать какую-нибудь кличку.

А может, Нерон и есть его кличка?

- Просто... Нерон? – спросил мужчина.
- Нерон Буланже².
- Ты француз? Или настолько проголодался?

Боб шутки не понял. Может, слово «буланже» имеет отношение к пище?

– Алжирец.

– Так вот, Нерон, ты послужишь в этом челноке примером. Видимо, остальные собравшиеся тут – круглые дураки, иначе с чего бы они стали держать свои глупые мыслишки при себе? Ты, однако, исповедуешь глубочайшую истину, и твои дурацкие идеи заслуживают широчайшей огласки. Чтобы удержать глупость внутри себя, ее надо холить и лелеять, всячески защищать. Демонстрируя ее миру, ты получаешь шанс, что она будет подхвачена, исправлена и обогащена мудростью. Будьте же смелы, как Нерон Буланже, и, когда вам в голову придет столь же потрясающая в своем невежестве мысль, которая внезапно покажется вам удачной, издайте звук ротовым отверстием, не бойтесь. Пусть треснут ваши умственные шторы, пусть раздастся ваш мысленный пук – только тогда вы получите шанс обогатиться знанием.

Нерон что-то пробурчал себе под нос.

– Слышите! Очередное бурление газов, но теперь еще менее разборчивое, чем раньше. Поговори же с нами, Нерон. Поведай нам истину. Ты учишь нас всех, являя миру пример храбрости, хотя эта храбрость несет на себе явные признаки следования через задний проход.

Двое новичков рассмеялись.

– Слышишь, Нерон? Твое ментальное попукивание вызвало на свет новые ветроиспускания со стороны людей столь же глупых, как и ты. Они полагают себя в чем-то выше тебя и считают, что могут послужить нам еще лучшим примером высочайшего интеллекта.

Больше никто не смеялся.

У Боба вдруг возникло чувство близкой опасности, породившей страх. Он внезапно понял, что весь этот словесный поединок, вернее, одностороннее словесное нападение, вся эта попытка, все это публичное унижение должно каким-то кружным путем привести к нему, Бобу. Он не знал, откуда взялась эта уверенность, ибо одетый в мундир мужчина ни разу не глянул в его сторону, а сам Боб не произнес ни единого звука, не сделал ни единого жеста, который мог бы привлечь к нему внимание. И тем не менее он знал: именно он, а вовсе не Нерон получит самый жестокий удар от этого военного.

И тогда он понял, откуда пришла уверенность, что все развернется против него. Ведь спор начался с вопроса о том, имеет ли кто-нибудь на этом челноке самые высокие баллы в сравнении с остальными. И Боб осознал, правда без всяких оснований, что именно он и есть тот самый ребенок с необычайно высокими показателями интеллекта.

Хотя, вообще-то говоря, подобное предположение выглядело достаточно абсурдным. Эти ребята были взрослее его, они выросли и воспитывались в гораздо более благоприятных

² Буланже (*фр.* boulangen) – булочник.

условиях. У него учителями была всего лишь сестра Карлотта и, понятное дело, улица. Хотя лишь очень небольшое из того, что дала ему улица, могло помочь в тестировании. Нет, не может быть, чтобы у него был самый высокий балл.

И все равно он знал, что эта дискуссия таит для него огромную опасность.

– Я приказываю тебе отвечать, Нерон. Я жду.

– Я так и не понял, почему вы считаете, что я сказал глупость, – наконец откликнулся Нерон.

– Во-первых, это глупость потому, что именно я здесь располагаю всей полнотой власти, а у тебя ее нет вообще. Я могу превратить твою жизнь в кошмар, и ты никак не сможешь защититься. Так много ли ума требуется для того, чтобы держать рот на замке и не привлекать к себе внимания? И каково должно быть правильное решение, если ты сталкиваешься с подобным распределением сил?

Нерон совсем съежился в своем кресле.

– Во-вторых, ты слушал меня вовсе не для того, чтобы извлечь полезную информацию, а для того, чтобы поймать меня на логической погрешности. Это говорит нам, что ты привык считать себя умнее своих учителей. Ты слушаешь их лишь затем, чтобы вылавливать их ошибки, доказывая прочим ученикам, какой ты ловкий и умный. Ты потратишь несколько месяцев нашего бесценного времени только на то, чтобы понять: главное в нашем деле – передача знаний от учителя детям, которые этих знаний не имеют. Отлавливание же ошибок – пустая, преступная трата времени.

Боб про себя не согласился с этим утверждением. Преступная трата времени – это вынесение ошибок на всеобщее обсуждение. А вот выявлять их, указывать на них – важно и необходимо. Если ты не умеешь отделять полезную информацию от ошибочной, значит ты не учишься, а заменяешь свое невежество фальшивой уверенностью, то есть никакого прогресса не происходит.

Однако частично этот человек прав – насчет того, что в болтовне пользы нет. Если ты знаешь, что учитель ошибся, и молчишь, ты становишься единственным, кто об этом знает, что дает тебе преимущество над теми, кто верит учителю безоглядно.

– И в-третьих, – продолжал военный, – мое утверждение только кажется противоречивым, ибо ты коснулся лишь самого краешка нашей ситуации. Совершенно необязательно, чтобы кто-то имел высший балл по всем тестам. Дело в том, что тестов очень много: физические, интеллектуальные, социальные, психологические, причем существуют самые различные способы их оценки и, в частности, определения высшего балла. Дети, которые, например, получили наивысший балл за выносливость, могут получить низкую оценку за физическое развитие, а те, которые отличились своей памятью, получают низкий балл при тестировании их аналитических способностей. И так далее. Теперь ты, вероятно, уже понимаешь, что именно твое скороспелое стремление высказаться привело к совершенно нелепому и глупому заключению?

Нерон кивнул.

– Позволь же мне еще раз услышать результаты твоего пищеварительного процесса, Нерон. Признай свои ошибки столь же громко, как ты их совершал.

– Я ошибся.

Вряд ли в этом челноке нашелся бы хоть один мальчик, который не предпочел бы умереть, чем оказаться на месте Нерона. И все же Боб ощутил какую-то тень зависти, хотя и не мог объяснить себе, почему завидует жертве, подвергшейся таким пыткам.

– Впрочем, – продолжал мужчина, – в данном случае твоя ошибка не столь велика, как могла бы быть на каком-либо другом челноке, направляющемся в Боевую школу с новичками на борту. И знаешь почему?

Нерон предпочел промолчать.

– Кто-нибудь знает? Кто-нибудь рискнет высказать свое предположение? Разрешаю строить любые догадки.

Желающих не нашлось.

– Тогда я сам вызову волонтера. Среди нас есть мальчик, которого зовут, как бы странно это ни звучало, Бобом. Не пожелает ли он высказаться?

«Началось, – подумал Боб. Все его существо содрогалось от ужаса, хотя одновременно он чувствовал какое-то странное возбуждение, ибо происходило как раз то, чего он втайне желал, хотя опять-таки не знал почему. – Ну погляди на меня, ну заговори со мной, ты, все-сильный, ты, облеченный властью!»

– Я здесь, сэр, – откликнулся Боб.

Мужчина сделал вид, что ищет, напрягая зрение, но никак не может найти Боба. Конечно, это было чистейшее притворство: он прекрасно знал, где сидит Боб, знал еще до того, как заговорил.

– Не вижу, откуда раздается твой голос. Подними, пожалуйста, руку.

Боб немедленно вытянул руку. К своему стыду, он тут же понял, что она почти никому не видна из-за стоящих впереди кресел.

– Все равно не пойму, где ты, – продолжал играть мужчина. – Разрешаю тебе отстегнуться и встать на сиденье.

Боб тут же воспользовался разрешением, отстегнул ремни и забрался на сиденье. И все равно оказался едва выше спинки того кресла, в котором только что сидел.

– А, вот где ты! – обрадовался мужчина. – Боб, не будешь ли ты так добр высказать соображение, почему именно в данном рейсе Нерон ближе к истине, нежели был бы в любом другом?

– Возможно, что в данном челноке кто-то имеет наивысшие оценки по многим тестам.

– Не по многим, Боб. По всем тестам, связанным с интеллектуальным развитием. По всем психологическим. По всем, имеющим отношение к лидерским качествам. По всем без малейшего исключения. Выше, чем у кого-либо другого в этом челноке.

– Значит, я не был так уж не прав, – проговорил оживившийся Нерон.

– И опять ошибаешься, – ответил мужчина, – потому что этот удивительный ребенок, который получил наивысшие баллы по всем тестам, относящимся к лидерским качествам, получил самые низкие оценки по физическому развитию. И знаете почему?

Никто не отозвался.

– Боб, раз уж ты все равно стоишь, не выскажешь ли ты догадку, почему этот ребенок получил самые низкие баллы по тестам, относящимся к физическому развитию?

Боб знал, что его подставили. И все же он не хотел скрывать очевидный ответ. Он ответит, пусть даже остальные мальчишки будут его после этого презирать. Они ведь все равно будут его презирать, что бы он ни ответил.

– Может, потому, что он очень, очень маленький?

Стоны, донесшиеся со всех сторон, говорили о том, что большинству присутствующих этот ответ совсем не понравился. Он, по их мнению, свидетельствовал о нахальстве и спеси отвечавшего. Однако человек в форме серьезно кивнул:

– Удивительно, но ты и здесь не ошибся. Только чрезвычайно малый рост этого мальчика помешал Нерону оказаться совершенно правым в его догадке, что тут может находиться ребенок с наивысшими оценками по всем тестам. – Он повернулся к Нерону. – Да, ты был близок к тому, чтобы не оказаться законченным дураком. И все же, даже если бы ты оказался прав, это была бы случайность. Ведь даже испорченные часы дважды в сутки показывают верное время. Садись, Боб, и пристегнись. Дозаправка окончена, и мы сейчас стартуем.

Боб сел. Всем своим существом он воспринимал сейчас ненависть остальных детей. И был бессилён предпринять что-либо по этому поводу. Но может, в этом есть свой плюс?

Куда важнее найти ответ на вопрос: зачем понадобилось этому военному выставить Боба всем напоказ? Если для того, чтобы заставить других детей соревноваться друг с другом, то проще было бы пустить по рядам списки с оценками всех присутствующих, чтобы каждый знал свое место. Вместо этого выделили именно Боба. Он был самым маленьким и по собственному опыту знал, что хулиганы больше всего в других любят слабость. Так зачем же его поместили в самый центр мишени, зачем направили на него все стрелы, сделав его очевидной целью для ребячьей ненависти и страха?

«Ну что ж! Острите дротики, цельтесь наверняка! Я все равно буду лучшим в этой школе, и в один прекрасный день именно у меня окажется власть, и мне будет наплевать на то, нравлюсь я вам или нет. Значение будет иметь совсем другое – нравитесь ли вы мне».

– Возможно, вы еще помните, – продолжил человек в форме, – что перед тем, как раздалось первое попукивание из ротового отверстия этой булочки по имени Нерон, я собирался вам дать один совет. И вот что я говорил. Если вы вдруг решите, что один из ваших сотоварищей может послужить отличным трамплином для ваших жалких потуг стать тут самым главным, то дважды подумайте. Я очень рекомендую вам воздержаться от всяких толчков и тычков, щипков и шлепков, а также ядовитых шуточек или насмешливого хрюканья в адрес того, кого вы сочтете легкой добычей. Причина, по которой вам от всего этого следует воздержаться, заключается в том, что вам неизвестно, кто именно из вашей группы в будущем окажется вашим командиром или даже адмиралом, тогда как вы останетесь всего-навсего капитанами. И если вы хоть на минуту допускаете мысль, что этот человек забудет, как вы к нему относились в школе, значит вы воистину безнадежные болваны. Если он хороший командир, то станет эффективно использовать вас в бою, как бы глубоко ни презирал вас в душе. Но уж конечно, он не обязан продвигать вас по служебной лестнице. Он не обязан нянчиться с вами и помогать. Не обязан быть добрым и всепрощающим. Так что советую вам хорошенько подумать об этом. Любой мальчик, который сидит рядом с вами, когда-нибудь, возможно, будет отдавать вам приказы и решать, жить вам или умереть. Я предлагаю вам попытаться завоевать его уважение, а не унижать лишь ради того, чтобы выставить каким-то школьным шутком.

Мужчина обратил свою ледяную улыбку к Бобу:

– Готов биться об заклад, этот Боб уже обдумывает, как он будет отдавать вам приказы, когда станет адмиралом. Более того, он наверняка уже мечтает о том, как отправит меня на вечное дежурство на какой-нибудь занюханый астероид, где я и буду сидеть, пока мои кости не размягчатся от остеопороза и я не превращусь в какую-нибудь распроклятую амебу.

Боб тем временем даже не помышлял о каком-либо будущем столкновении с этим офицером. Он не желал мести. Он ведь не Ахилл. Ахилл просто глуп. И этот офицер тоже глуп, если полагает, что у Боба могут быть такие мысли. И наверное, он считает, что Боб будет благодарен ему за то, что тот посоветовал остальным ученикам не обижать Боба. Но Боба притесняли куда более крутые парни, нежели те, которые могут найтись среди этих ребяташек. В офицерской протекции у него нет надобности. Она, скорее, расширит пропасть между Бобом и его товарищами. Если бы Боб приобрел несколько синяков и ссадин, это вернее улучшило бы его отношения с остальными, – может, его даже приняли бы как своего. Но теперь ссадин и синяков не будет. И тем труднее станет наводить мосты.

Это и было причиной появления на лице Боба некоторого раздражения, которое офицер тотчас же прокомментировал:

– И тебе я тоже хочу сказать пару ласковых, Боб. Мне плевать, что ты сделаешь со мной. Потому что есть лишь один враг, с которым следует считаться. Это жукары. И если ты дорастешь до адмирала, который приведет нас к победе над жукарами и сохранит Землю для людей, то сможешь приказать мне жрать собственные кишки, вытаскивая их из заднего

прохода, а я все равно буду твердить: «Благодарю вас, сэр». У нас только один враг – жукары. Не Нерон. Не Боб. И даже не я. А потому держите свои лапы подальше друг от друга.

Он снова улыбнулся своей безжалостной улыбкой.

– Тем более что, когда в последний раз один мальчик попробовал обидеть другого, для последнего это кончилось полетом в невесомости и сломанной рукой. Таков закон стратегии. Пока вы не уверены в своем превосходстве над противником, маневрируйте и в драку не лезьте. Считайте все сказанное вашим первым уроком в Боевой школе.

Первым уроком? Неудивительно, что этому парню поручили заботу о новичках вместо преподавания в школе. Если следовать его «ценному» совету, стоит противнику проявить напор, как ты сразу сложишь лапки. Иногда приходится лезть в драку, даже если ты слаб. Не всегда следует ждать, когда противник убедится, что ты круче его. Ты делаешь себя крутым всеми способами, которыми располагаешь. Ты обманываешь, лжешь, делаешь все, что от тебя зависит, чтобы убедить других, что ты – царь горы.

Этот парень, возможно, крут, поскольку он единственный взрослый на челноке, полном ребятни, но, будь он мальчишкой на улицах Роттердама, он уже через месяц доманеврировался бы до голодной смерти. При условии, что дожил бы до такого конца, – он задирает нос так, будто считает, что ссыт парфюмом.

Офицер повернулся, чтобы уйти.

– А как вас зовут-то? – спросил Боб.

Офицер развернулся и смерил Боба уничижительным взглядом:

– Что, Боб, уже сочиняешь приказ, согласно которому мне откроют яйца?

Боб ничего не ответил. Он просто продолжал смотреть офицеру прямо в глаза.

– Я капитан Даймак. Хочешь узнать еще что-нибудь?

Что ж, можно спросить и прямо сейчас...

– Вы преподаете в Боевой школе?

– Да, – ответил тот. – Но сейчас сопровождаю челнок, набитый сосунками. Это у нас единственный способ слетать в отпуск на Землю. И мое присутствие на этом челноке означает, что мои каникулы кончились – как и твои.

Металлические заслонки закрыли окна. Ощущение было такое, что они падают – быстро, очень быстро, пока с ревом, казалось разрушающим сами кости, не заработали ракетные дюзы. Челнок снова стал подниматься – быстрее, быстрее, пока Бобу не показалось, что его сейчас продавит сквозь спинку кресла. И так продолжалось целую вечность.

А затем вдруг наступила тишина.

Тишина, сопровождающаяся волной паники. Они снова падали, но только было неизвестно – куда? Тошнота и страх.

Боб закрыл глаза. Не помогло. Он открыл их снова и попытался сориентироваться. Ни одно направление возможного движения не помогало обрести равновесие. Жизнь на улице научила Боба не поддаваться тошноте. Ведь бульшая часть еды, попадавшей ему в рот, была тухлой, однако он не мог себе позволить лишиться ее из-за приступа рвоты. Поэтому Боб прибег к испытанной практике: начал делать глубокие вдохи, одновременно вращая большими пальцами ног, чтобы отвлечься. Спустя короткое время Боб уже привык к невесомости. С тех пор как он отказался считать какое-либо из направлений направлением вниз, все пошло превосходно.

У других ребят такого опыта не было, а может, они хуже переносили внезапную потерю равновесия. Теперь стала ясна причина запрещения принимать пищу менее чем за двадцать четыре часа до полета. То тут, то там раздавались звуки, сопровождающие тошноту, но так как желудки были пусты, то ни рвоты, ни дурного запаха не последовало.

Вернулся Даймак, но на этот раз он стоял на потолке. «Очень мило», – подумал Боб. Началась новая лекция, на этот раз на тему о том, как отказаться от земных представлений

о гравитации и направлениях. Неужели все эти малыши так глупы, что им надо это разжевывать?

Боб во время лекции занимался тем, что изучал, какая сила потребуется, чтобы можно было двигаться в свободно повисших ремнях. Остальные ребята были довольно крупны, и ремни держали их плотно. У Боба же оставалось место для маневра. Он, естественно, попытался использовать это обстоятельство на всю катушку. Ко времени прибытия в Боевую школу Боб приобрел кое-какие навыки движения в невесомости. Он понял, что в космосе его выживание будет зависеть во многом от знания того, сколько силы надо приложить, чтобы привести тело в движение, и сколько – чтобы это движение приостановить. Теоретические представления тут менее важны, нежели инстинктивные движения тела. Анализировать все это было интересно, но хорошие рефлексы могут спасти жизнь.

6 Тень Эндера

– Обычно твои доклады о прибытии новой группы очень кратки. Несколько шалунов, рапорт о мелком происшествии, чаще всего вообще никаких проблем.

– Вы вправе не обращать внимания ни на один пункт моего доклада, сэр.

– Сэр? Господи, да мы, кажется, сегодня превратились в адепта казарменной дисциплины?

– Так какая же часть моего доклада показалась вам раздутой?

– Мне показалось, это не доклад, а любовная песнь.

– Я надеюсь, что не покажусь подлизой, применяя на каждом прибывающем челноке с новичками ту же технику, которую вы использовали в случае с Эндером Виггином...

– А ты ее применяешь постоянно?

– Как вы сами могли заметить, сэр, она дает интересные результаты, позволяя провести быструю сортировку.

– Разбивку на категории, которые в ином случае могли бы и не появиться? Я принимаю комплимент. Но все равно – семь страниц, посвященных Бобу... Неужели ты столько всего узнал о нем из его реакции, которая, вообще-то говоря, сводилась к молчаливой уклончивости?

– Именно в этом и заключается суть. То была не уклончивость, сэр. Я... проводил эксперимент, а получилось так, что на предметном стеклышке оказался я.

– Похоже, он заставил тебя понервничать.

– Он кого угодно выведет из себя. Он хладнокровен, сэр, и одновременно...

– И одновременно горяч. Да, я прочел твой доклад. Каждую, черт ее побери, блистательную страницу.

– Так точно, сэр.

– Полагаю, тебе известно, что у нас принято советовать преподавателям не заводить любимчиков среди учеников?

– Сэр?

– Однако в данном случае я весьма рад, что ты проявил к Бобу такой повышенный интерес. Потому что, видишь ли, я в нем несколько не заинтересован. У меня уже есть юноша, который, как я полагаю, является нашим наилучшим шансом. Но на меня оказывается сильное давление в связи с этими поддельными результатами Боба. От меня требуют, чтобы я уделил ему особое внимание. Отлично, он его получит. И оказывать его будешь ты лично.

– Но, сэр...

– Может, ты не в состоянии отличить приказ от просьбы?

– Меня смущает... Мне кажется, он уже составил обо мне некое мнение... весьма нелестное для меня.

– Тем лучше. Значит, он будет тебя недооценивать. Конечно, если ты сам не считаешь, что его оценка верна.

– В сравнении с ним все мы... э-э... слегка туповаты.

– Твоя задача – наблюдать. И попытайся не удариться в поклонение.

В самый первый день пребывания Боба в Боевой школе в его голове была всего лишь одна мысль: как здесь выжить? Никто ему не поможет: об этом позаботился Даймак со своим маленьким выступлением там, в челноке. Его поставили в положение, где он окружен... кем? В лучшем случае – соперниками, в худшем – врагами. Значит, опять как на улице. Что ж, не так уж и плохо. На улице Боб умел выживать. И наверняка продолжал бы жить, даже если

бы сестра Карлотта не нашла его. Даже Пабло... Боб справился бы и без Пабло, который нашел его в сортире «чистого места».

Поэтому он стал наблюдать. Прислушиваться. Все, чему учились остальные, ему предстояло усвоить не хуже, а то и лучше. А главное – он должен изучить то, на что все прочие не обращали внимания. Как организована работа с группами? Каковы системы Боевой школы? Каковы взаимоотношения между преподавателями? Кто стоит у власти? Кто и кого боится? В каждой группе были свой вожак, свои подхалимы, мятежники, послушные овцы. В каждой группе были главные связи и второстепенные, дружба и прислужничество. Ложь внутри лжи внутри лжи. Все это Бобу предстояло выяснить, причем как можно быстрее, чтобы отыскать ниши, в которых он сможет существовать.

Их привели в казарму, дали койки, шкафчики, портативные компы, куда более сложные, чем тот, на котором он работал с сестрой Карлоттой. Некоторые ребята сразу стали возиться с ними, пытаясь разобраться в наборе программ и запуская компьютерные игры. Боб этим не заинтересовался. Компьютерная сеть Боевой школы не была личностью. Овладение ею представляло определенный интерес для будущего, но сейчас это было не так уж важно. То, что интересовало Боба, находилось за пределами спальни новобранцев.

Именно за эти пределы они вскоре и отправились. Челнок прибыл «утром», согласно космическому времени, которое, к неудовольствию ребят, прибывших из Европы и Азии, было флоридским, так как первые космические станции контролировались именно оттуда. А для ребят, выросших в Европе, сейчас была уже вторая половина дня, что означало серьезные проблемы с адаптацией. Даймак объяснил, что основное средство борьбы с десинхронозом – это упорные физические тренировки, за которыми следует короткий – не больше трех часов – сон, после чего новые физические упражнения. Это помогает уснуть без задних ног вечером, то есть в обычное для всей школы время.

Их построили в коридоре.

– Зеленый-коричневый-зеленый – это ваш код, – сказал Даймак и показал на линии, бегущие по стенкам коридора, которые всегда приведут их к собственной спальне.

Боба несколько раз заставляли менять место в шеренге, пока наконец он не оказался замыкающим – в самом конце. Ему это было безразлично: ранжирование по росту – дело бескровное и синяков от него не прибавится, а замыкающий – отличное место, откуда видно больше, чем из середины ряда.

По коридору ходили и другие ребята – иногда поодиночке, иногда по двое, по трое. Большинство было одето в яркие – разных цветов – форменные комбинезоны различного покроя. Откуда-то из-за поворота вывернула целая группа мальчиков – одинаково одетых, в боевых шлемах и со странным оружием на поясе. Они шагали так уверенно и быстро – целеустремленно. Боб нашел это весьма интригующим. Видимо, это своего рода банда, подумал он, и она явно идет на бой.

Конечно же, старшие сразу заметили шеренгу малышей, которые рассматривали их с нескрываемой завистью. И сразу полетели подначки: «Эгей, залетные!», «Свежее мясо!», «А кто наложил кучу в холле и не убрал ее?», «Слушайте, они даже *пахнут* глупо!» и так далее. Но то были просто подколки, с помощью которых старшие утверждали свое главенство. Не больше. Никакой враждебности. Скорее наоборот – симпатия. Они еще помнили, как сами недавно ходили в малышах.

Некоторые дети, стоявшие перед Бобом, злились, выкрикивали в ответ невнятные и жалкие угрозы, которые вызывали со стороны старших лишь новый взрыв насмешек. Боб привык к тому, что старшие ненавидят младших, ведь те – их конкуренты в борьбе за еду, поэтому старшие всегда гнали малышей прочь и им было плевать, что кто-то из этих малявок сегодня же может умереть от голода. Боб привык получать настоящие пинки и удары, он

видел жестокость, насилие, членовредительство, убийства. Да, его нынешние сотоварищи не поймут, что такое любовь, встретившись с нею лицом к лицу.

Но что действительно хотелось знать Бобу, так это как формируются местные «банды», кто ими командует, как выбираются командиры и зачем вообще нужны эти отряды. Тот факт, что у каждой из «банд» своя форма, означал, что у них есть официальный статус. А это, в свою очередь, предполагало, что тут всем жестко управляют взрослые, что было совсем не похоже на происходящее в Роттердаме. Там взрослые, наоборот, уничтожали такие вот банды, и газеты писали о них как о криминальных группировках, не понимая, что это всего лишь жалкие попытки малышни как-то скучковаться, чтобы выжить.

Вот тут-то и зарыт ключ. Все, что делают здесь дети, контролируется взрослыми. В Роттердаме взрослые были либо враждебны, либо безразличны, либо, подобно Хельге с ее столовкой, бессильны что-либо изменить в судьбе детей. Поэтому дети сами создавали свои сообщества. Все держалось на желании выжить. Как достать еду и при этом не быть искалеченным или убитым. А здесь были повара и врачи, одежда и койки. Сила и власть определялись не доступом к пище, а одобрением взрослых.

Вот что означала форма. Взрослые сортируют детей, дети носят разные типы форменной одежды, так как взрослые каким-то образом делают выгодным ношение той или иной формы.

Значит, ключом ко всему являются взаимоотношения с учителями.

Все это сформировалось в мозгу Боба в виде четкого и внезапного понимания, что у самих «банд» никакой власти нет, особенно в сравнении с властью преподавателей. К этому моменту группа насмешников как раз поравнялась с Бобом. И когда они увидели его – такого крошечного даже в сравнении с другими малышами, – то пришли в полный восторг. «Слушай, эта штуковина даже кучкой птичьего помета и то быть не может!» – «Не верю, что оно еще и ходить умеет!» – «Ути-пути, а где же наша мамочка?» – «А это вообще человек?».

Боб мгновенно «выключил» их. Как будто ничего не слышал. Однако он ощутил радость своих сотоварищей, стоявших с ним в одной шеренге. Из-за него их унизили в челноке, но теперь пришло время поиздеваться над Бобом. Ребята были в восторге. Впрочем, Боб тоже, так как теперь они не будут считать его своим соперником. Проходившие мимо старшие, унижая его, тем самым защищали его от...

От чего? Существует ли эта опасность?

Наверняка. Опасность есть везде. И поскольку вся власть здесь принадлежит учителям, опасность должна исходить от них. Даймак уже дал ход какому-то процессу, натравив на Боба его товарищей по группе. Значит, орудиями учителей являются сами ученики. Следовательно, Бобу надлежит узнать их как можно лучше, и не потому, что они представляют для него проблему, а потому, что их слабости, их желания могут быть использованы против него учителями. И чтобы защитить себя, Боб должен подорвать влияние учителей. Только так он обретет безопасность. И как раз тут сокрыта главная угроза: его могут поймать за этим.

Каждому из малышей пришлось коснуться ладонью сканера – четырехугольной пластинки, вделанной в стену, – а затем спуститься этажом ниже по скользкому шесту. Боб впервые видел такие шесты. В Роттердаме они лазили лишь по водосточным трубам, фонарным столбам и подпоркам рекламных щитов.

Теперь они оказались в той части Боевой школы, где сила тяжести была выше. Боб не знал, сколько он весит в своей спальне, но разницу ощутил сразу, когда почувствовал, каким тяжелым стало его тело в спортивном зале.

– Здесь сила тяжести лишь чуть выше, чем на Земле, – сказал им Даймак. – Вам придется проводить тут не меньше получаса в день, иначе ваши кости начнут крошиться. И все эти полчаса вам нужно будет заниматься тяжелыми физическими упражнениями, чтобы тренировать выносливость тела. Это очень важно – наращивать выносливость, а не мускуль-

ную массу. Вы пока еще малы для подобных тренировок, и вам придется попотеть. Выносливость и упорство – вот чего мы от вас требуем.

Для детей эти слова значили не так уж много, но тренер тут же пояснил им все наглядно. Утомительный бег по движущейся дорожке, езда на велосипеде-тренажере, пробежки по лестницам, всевозможные тренажеры для упражнений мышц рук, ног, шеи, живота и так далее. Чего не было, так это подъема тяжестей. Разумеется, такие тренажеры тут тоже были, но они предназначались для учителей.

– Мониторинг работы вашего сердца проводится с той самой минуты, когда вы появились здесь, – сказал тренер. – Если через пять минут после начала тренировки частота вашего пульса не возрастет или если она не продержится на достигнутом уровне следующие двадцать пять минут, это сразу отразится на моем мониторе – вон там.

– Я тоже получу эти данные. И сразу внесу вас в черный список, говорящий о том, что вы любите отлынивать, – добавил Даймак. – Это увидят все.

Черный список. Значит, вот какой способ тут применяют – позорят перед всеми. Глупо. Как будто Бобу не все равно.

А вот дисплей монитора Боба очень заинтересовал. «Каким образом они могут вести мониторинг работы сердца и знать, кому именно принадлежат эти результаты, да еще с первой минуты, как мы тут появились?» Боб чуть было не задал этот вопрос, но сам понял, что на него может существовать лишь один ответ. Форма, которую им выдали. В нее вшиты какие-то датчики. И надо полагать, тем же путем учителя получают и другую информацию. Во-первых, они наверняка знают, где находятся их подопечные и что они делают. Каждую минуту. В школе несколько сот учеников, и компьютеры непрерывно фиксируют местоположение каждого, его пульс и бог знает что еще. Где-нибудь, надо думать, существует комната, где сидят учителя и следят по дисплеям за каждым шагом учеников.

«А может, это не только одежда. В конце-то концов, мы оставляем отпечатки своих ладоней на тех пластинках, что у дверей. Это дает возможность нас идентифицировать. Так что даже в этом зале могут находиться специальные датчики».

Надо попробовать выяснить это. Боб поднял руку.

– Сэр? – сказал он.

– Да?

Тренер внимательно оглядел крохотного Боба. В уголках его рта таилась улыбка. Он обменялся взглядами с Даймаком. Даймак на улыбку не ответил и вообще ничем не показал, что разделяет чувства тренера.

– Датчики, следящие за работой сердца, находятся в нашей одежде? А если мы снимем ее всю или часть ее, пока занимаемся упражнениями, то...

– Вам не разрешается снимать форму в спортзале, – ответил тренер. – Мы нарочно поддерживаем здесь сравнительно низкую температуру, чтобы вам не нужно было снимать одежду. Вы должны находиться под наблюдением все время.

Не прямой ответ, но Боб узнал то, чего добивался. Мониторинг связан с одеждой. Возможно, там же находится и датчик, позволяющий определять личность ученика. И когда они дотрагиваются ладошками до пластинок у дверей, они тем самым сообщают датчикам в спортзале, кто именно носит данный комплект одежды. Во всяком случае, такое предположение логично.

«Итак, новый комплект одежды, надо думать, анонимен до того момента, пока ты не оставишь на сканере отпечаток своей ладони. Это важно. Это означает, что, даже не раздеваясь, можно стать неузнаваемым. Голыми, значит, ходить тут не принято. Это будет выглядеть подозрительно».

Они продолжали делать упражнения, а тренер объяснял, кто из них не достиг нужного ритма работы сердца, а кто, наоборот, дает себе слишком большую нагрузку, а потому

должен быстро устать. Боб быстро усвоил правила, по которым он должен работать, чтобы достигнуть нужного ритма, а затем выбросил все это из головы. Теперь пусть трудятся его рефлексы.

Наступило время приема пищи. В столовой младшие были одни. Они только что прибыли, а потому на сегодняшний день у них было свое расписание, отличное от расписания других учеников. Еда хорошая, и ее много. Боб поразился, увидев, что многие мальчики с недоумением смотрят на свои порции и жалуются, что те слишком малы. Ведь это же настоящий пир!

Свою порцию Боб даже не доел. Что же до нытиков, то повара им сказали, что порции адаптированы к их личным потребностям в пище и размеры порции появляются на дисплее компьютера в тот самый момент, когда входящий в столовую ученик касается ладонью сканера. Значит, без прикосновения к датчику еды не получишь.

Боб вскоре понял, что его рост и физическое развитие уже стали официальной проблемой. Когда он понес свою тарелку с наполовину недоеденной порцией к утилизатору, раздался тихий электронный звонок, который тут же привлек внимание дежурного диетолога.

– Сегодня твой первый день в школе, поэтому мы сделаем тебе скидку. Но имей в виду, что размеры порций научно откалиброваны в точном соответствии с потребностями твоего организма. В будущем ты должен съедать до последней крошки все, что тебе подают.

Боб смотрел на диетолога, не говоря ни слова. Он уже принял решение. Если программа физических упражнений пробудит в нем аппетит, он съест больше. Но если они ожидают, что он будет набивать себе брюхо, то пусть лучше удавятся. Он ведь легко может распределить излишки своей порции по тарелкам тех, кто скулит, что им мало. Они будут счастливы, а Боб станет есть столько, сколько требует его тело. Он-то хорошо знает, что такое голод, но за несколько месяцев жизни у сестры Карлотты он выяснил, что прекрасно может доверять своему аппетиту. Некоторое время он соглашался есть больше, чем того требовал его организм. В результате появилось ощущение тяжести, он долго не мог заснуть вечером и не мог преодолеть сонливости днем. Тогда Боб стал есть столько, сколько считал нужным, сделав голод своим гидом, и к нему снова вернулись внимание и бодрость. У него есть личный диетолог, которому он абсолютно доверяет. А эти маленькие обжоры пусть отращивают себе животы и ползают на них, как слизни.

Когда несколько ребят первыми закончили обед, Даймак встал и сказал им:

– Те, кто поел, отправляйтесь в спальню. Разумеется, если уверены, что сможете ее отыскать. Если же сомневаетесь в этом, то подождите. Я приведу туда остаток группы сам. Можете присоединиться.

Боб вышел в коридор, но не обнаружил там никого из старших. Несколько его товарищей прижимали ладошки к стене, и на ней появлялись полоски кодовых цветов: зеленый-коричневый-зеленый. Боб смотрел, как уходят его соученики. Один из них обернулся:

– Идешь?

Боб не ответил. А что говорить-то? Он ведь стоит. На глупый вопрос лучше вообще не отвечать. Окликнувший его мальчик повернулся и побежал, догоняя своих, направлявшихся в казарму.

Ну а Боб двинулся в противоположную сторону. Он знал: лучшего времени, чтобы начать свои изыскания, у него не будет. Если его и поймут там, где он находится не должен, то поверят, когда он скажет, что заблудился.

Спереди и сзади коридор изгибался вверх. Боб как будто взбирался по склону холма, а когда оглядывался назад, то там видел тоже подъем в гору – к тому месту, откуда он пришел. Странно. Но Даймак уже объяснил им, что станция представляет собой огромное колесо, вращающееся в космосе так, что центробежные силы заменяют силу тяжести. Это означало, что главный коридор на каждом уровне представлял собой окружность и ты всегда возвра-

щался назад, к отправной точке, если шел вперед. Поэтому низ всегда находился по направлению вовне. Боб попробовал мысленно привыкнуть к этой идее. Сначала он испытал слабое головокружение – трудно вообразить себя постоянно идущим по одной и той же стороне постоянно вращающейся станции. Но затем мысленно перегруппировался, представив станцию в виде колеса повозки, а себя там, где оно соприкасается с землей. Правда, люди на противоположной стороне станции оказывались тогда вверх ногами, но Боба это уже не волновало. Раз он сам находится на дне колеса, то для него низ всегда остается низом, а верх – верхом.

Новенькие жили на том же уровне, где располагался обеденный зал, а старшие – где-то в другом месте, ибо здесь, кроме столовой, были только классные комнаты да еще двери без всяких надписей. На них, правда, были пластинки сканеров, но так высоко, что малыши до них дотянуться не могли, стало быть, эти двери предназначались не для них. Старшие, вероятно, могли дотянуться до сканеров, а вот Боб не мог, даже подпрыгнув. Впрочем, все это ерунда. Наверняка двери все равно не открылись бы. И надо думать, тут же появился бы взрослый, чтобы выяснить, зачем какая-то мелюзга пытается проникнуть в комнату, где ей нечего делать.

По старой привычке, возможно уже превратившейся в инстинкт, Боб рассматривал подобные запретные барьеры лишь как временное препятствие. В Роттердаме он научился лазить по стенам и переходить с крыши на крышу. Будучи совсем еще крохой, он умел найти способы забраться туда, куда ему нужно. Эти двери не остановят его, если он решит, что за ними находится нечто жизненно важное для него. Сейчас он еще не знает, как туда проникнуть, но и сомнений, что это будет сделано, у него тоже нет. Так что нечего раздражаться по этому поводу. Он просто спрячет поглубже полученную информацию. Она будет там ждать своего времени, то есть момента, когда Боб захочет ею воспользоваться.

Через каждые несколько метров Бобу попадались шесты для спуска на нижние ярусы, а также трапы для подъема на верхние. Чтобы спуститься по шесту к спортзалу, ему нужно было коснуться ладонью сканера, здесь же возле большинства шестов таких сканеров не наблюдалось. В этом был смысл: большинство трапов и шестов предназначалось лишь для перемещений между ярусами – ах да, они же тут называются палубами. Станция ведь принадлежит МФ, и все притворяются, будто живут на корабле. К спортзалу же ведет только один шест, поэтому он должен находиться под контролем, дабы предотвратить толкучку и появление там учащихся, которые в это время должны быть совсем в другом месте.

Как только Боб понял это, он тут же полез по трапу на другую палубу.

Там располагались спальни старших. Двери отстояли друг от друга на куда большем расстоянии, и на каждой была какая-нибудь эмблема – тех же цветов, что на форменных комбинезонах, и, очевидно, связанных с цветом полосок на стенах, указывающих дорогу к казармам (хотя Боб и сомневался в том, что старшим ребятам приходится прибегать к помощи таких полосок); на дверях были изображены силуэты различных животных. Некоторые Бобу не были известны, зато он сразу узнал двух птиц, какую-то кошку, собаку и льва. Такие же изображения можно было видеть на улицах Роттердама. Но тут, конечно, не было ни голубей, ни мышей, а присутствовали лишь животные, славящиеся своей ловкостью и смелостью. Даже собака выглядела поджарым гончим псом, а не какой-то там дворняжкой.

Значит, тут собраны те самые «банды» и у каждой из них своя эмблема в виде определенного животного. Вероятно, их так и зовут: «Кошачья банда» или «Львиная стая». А может, это и не банды вовсе. Впрочем, Боб скоро выяснит, как они себя именуют. Он зажмурился и постарался вспомнить цвета и эмблему той «банды», которая там, внизу, смеялась над ним.

Своим внутренним взором он видел эту эмблему, но на дверях, мимо которых он уже прошел, такого символа пока не встретилось. Значения это не имело – не стоило обходить

всю палубу только для того, чтобы отыскать знакомый герб. Это только увеличивало риск поимки.

Снова вверх. Новые спальни, новые классные комнаты. Сколько же народу тут живет? Станция была куда больше, чем ожидал Боб.

Прозвучал негромкий звонок. Сразу же открылось несколько дверей, из которых тут же выскочили старшие ребята. Видимо, время перемены.

Сначала Боб почувствовал себя среди этих ребят в безопасности, так как надеялся затеряться в их толпе, как всегда делал это в Роттердаме. Но здесь безотказный прием не сработал. Это была не толпа, где каждый человек сам по себе и спешит куда-то по собственным делам. Тут были хотя и дети, но военные. Они знали, где должен быть каждый из них, а Боб в своем комбинезоне новичка был тут явно не на месте.

Поэтому его тут же сцапали двое старших.

– Ты не с нашей палубы, – сказал один.

Возле них мигом столпилось несколько любопытных, чтобы поглядеть на Боба. Как будто он был каким-то странным предметом, вынесенным на улицу ливневым потоком.

– Нет, ты только глянь, какой маленький!

– Бедняжка обречен всю жизнь нюхать чужие задницы, а?

– Эй! Ты заблудился, что ли, залетный?

Боб молчал. Просто смотрел на каждого говорящего.

– Какие у тебя цвета? – спросила какая-то девочка.

Боб опять промолчал. Извинением ему могло служить то, что цветов он не помнит, а потому и назвать не может.

– Он такой маленький, что может пройти у меня между ног, даже не достав до моих...

– Заткнись, Динк. Примерно то же самое ты говорил, когда Эндер...

– Ага, насчет Эндера это точно!

– Слушайте, а это не тот малыш, о котором говорят, будто он...

– А что, Эндер был таким же маленьким, когда попал сюда?

– Новый Эндер?

– Ага. Он типа ракетой взлетит на вершины рейтингов.

– Эндер не виноват, что Бонзо запретил ему стрелять из пистолета!

– Это была ошибка, о чем я и говорю.

– Неужели это тот самый, о котором идет столько трепы? Второй Эндер? Все наивысшие баллы?

– Давайте отведем его на палубу новичков.

– Пойдем-ка со мной, – сказала какая-то девочка, крепко ухватив Боба за руку.

Боб, не сопротивляясь, двинулся за ней.

– Меня зовут Петра Арканян, – сказала она.

Боб ничего не ответил.

– Слушай, брось это! Ты, конечно, очень мал и наверняка тебе тут боязно, но тебя не взяли бы сюда, будь ты немым или идиотом.

Боб пожал плечами.

– Сейчас же назови мне свое имя, иначе я начну ломать по очереди твои маленькие корявые пальчики.

– Боб, – ответил он.

– Это не имя, а плохой завтрак.

Он снова промолчал.

– Ты меня не обманешь, – хмыкнула девочка. – Ты только притворяешься дурачком. Ты заявился сюда с какой-то целью.

Он продолжал молчать, хотя ощутил некую обиду, что она так быстро расколола его.

– В эту школу отбирают самых умных и инициативных ребят. Так что ты сюда пришел на разведку. Но они этого ожидают. И вероятно, уже знают, где ты находишься и что делаешь. Поэтому смысла молчать нет. Да и что тебе могут сделать? Ну влепят пару-другую черных баллов...

Вот, значит, что думают старшие о черном списке.

– Послушай, твое упорное молчание будет только злить людей. Я бы на твоём месте так себя не вела. Может, с папочкой и мамочкой оно бы и сработало, но здесь ты выглядишь упрямым и смешным дурачком. Ведь все, что нужно, ты все равно скажешь. Так почему бы не начать говорить прямо сейчас?

– О'кей, – ответил Боб.

Несмотря на то что он сдался, она не стала над ним подтрунивать. Лекция сработала, лекция закончилась.

– Цвета? – спросила она.

– Зеленый-коричневый-зеленый.

– Да уж, похоже на то, что часто встречается на полу грязных сортиров, тебе не кажется?

«Ага, значит, она тоже из числа дураков, способных только смеяться над новичками».

– По-моему, учителя делают все возможное, чтобы заставить старших издеваться над залетными...

«А может, она не из таких. Может, просто поговорить любит. Болтушка. На улицах города такие редко попадаются. Во всяком случае, среди детей. А вот среди взрослых пьяниц – таких пруд пруди».

– Система, которая нас окружает, чрезвычайно хитроумна. Из нас как будто специально делают маленьких недоумков. Впрочем, тебя это не должно беспокоить, ты ведь недаром разыгрывал свою сценку – глупый-крохотный-заблудившийся-залетный.

– Но не сейчас, – сказал Боб.

– Тогда учти вот что. Что бы ты ни делал, учителям известно все, и они наверняка уже нагромоздили каких-нибудь идиотских теорий насчет твоего поведения, твоей личности и так далее. Они всегда находят способ обернуть происходящее против тебя, так что ты не напрягайся особо. В твое дело уже вписано, что ты отправился в небольшой вояж, вместо того чтобы, понимаешь ли, сопеть в две дырочки во время тихого часа. А это, надо полагать, говорит им, что ты «реагируешь на неуверенность тем, что ищешь одиночества, одновременно исследуя границы своей новой среды обитания». – Последнюю фразу она произнесла нарочито гнусавым голосом.

Возможно, у нее есть в запасе еще и другие голоса и полутона, но Боб не собирался торчать тут, чтобы выяснить это. Похоже, эта девица из тех, кто любит взваливать ответственность на себя, только вот ответственности было немного, а тут подвернулся Боб. Он вовсе не был расположен становиться ее подопечным. Когда он был проектом сестры Карлотты, это можно было терпеть, поскольку она забрала его с улицы и смогла направить в Боевую школу. А что хорошего может предложить ему эта Петра Арканян?

Боб быстро скользнул по шесту на следующую палубу, оказался в коридоре, кинулся к находившемуся поблизости трапу, взлетел на две палубы вверх, очутился в новом коридоре, по которому и побежал со всех ног. Вполне возможно, Петра была права во всем, но одно Боб знал твердо: он не собирался разрешать ей держать себя за ручку на всем пути к казарме зелено-коричнево-зеленых. Последнее дело – появиться в дверях своей спальни за ручку со старшей девчонкой, если хочешь сохранить хоть каплю уважения.

Теперь Боб находился на палубе, которая была на четыре уровня выше той, где жили новички и была столовая и где ему полагалось быть в данный момент. Здесь тоже было немало ребят, но поменьше, чем палубой ниже. На большинстве дверей никаких указателей

он не заметил, но некоторые были распахнуты, включая огромную арочную дверь, ведущую в игровую комнату.

Бобу приходилось видеть игровые автоматы в барах Роттердама, но только издали, сквозь двери и ноги мужчин и женщин, входивших и выходящих из баров в вечных поисках забвения. И никогда он не видел ребятишек, играющих в компьютерные игры. Разве что на видео в витринах магазинов.

Здесь же на настоящих автоматах играли мальчики и девочки. В одиночку, группами или класс на класс, так что шум стоял изрядный. Четверо разыгрывали пространственную игру на голографическом дисплее. Боб встал подальше, чтобы не мешать им и даже не попадать в их поле зрения. Наблюдал он долго. Каждый из играющих обладал флотом из четырех маленьких боевых кораблей, а цель игры состояла в уничтожении флотов противников или захвате медлительных кораблей-маток. Боб быстро разобрался в правилах и основных терминах, прислушиваясь к болтовне игроков.

Наконец сражение закончилось, но вовсе не потому, что кто-то проявил ум и смекалку. Просто победитель использовал свои корабли чуть менее глупо, чем остальные. Боб с интересом наблюдал, как ребята перезапускают игру. Никто не платил никаких монеток. Игра была бесплатной.

Боб решил посмотреть и вторую партию. Игра закончилась так же быстро, как и первая, поскольку каждый игрок управлял своими кораблями крайне неумело. Если один из кораблей вдруг оказывался в стороне от происходящего, про него сразу забывали. Как будто их флот состоял из одной действующей единицы и трех резервных.

Так, может, у этой игры есть ограничения, которые не позволяют изменить тактику боя? Боб подошел ближе. Нет. Вполне допустимо задать одному кораблю курс, тут же вернуться к оставшимся, отправить в бой другой, вернуться к первому, дать новый приказ, меняя курс в соответствии с изменившейся обстановкой, и так далее.

Но как могли попасть в Боевую школу эти мальчишки, способные лишь на самые примитивные тактические решения? Боб никогда раньше не играл в компьютерные игры, но он понимал, что более-менее опытный игрок завершил бы эту игру в несколько минут.

– Эй, гномик, поиграть хочешь?

Один из игроков все же заметил его. Может, и остальные тоже.

– Хочу, – ответил Боб.

– Чтоб меня! – засмеялся тот, который начал разговор. – Ты кем себя воображаешь? Эндером Виггином?

Все расхохотались и вышли из игровой комнаты, видимо направляясь на очередные занятия. Зал быстро опустел. Перемена.

Эндер Виггин. Ребята в коридоре тоже говорили о нем.

Похоже на то, что он, Боб, чем-то напомнил им этого Виггина. Некоторые говорили с восхищением, другие с неприязнью. Этот Виггин, надо полагать, победил многих ребят в компьютерных играх или в чем-то подобном.

А еще кто-то сказал, что у Эндера очень высокий рейтинг. Рейтинг в чем?

Те ребята в одинаковой форме, маршировавшие как единая команда, направлявшаяся в бой... Они, безусловно, средоточие здешней жизни. Это самая главная Игра, в которую вовлечена вся Боевая школа. Ребята живут в казармах, образуя команды. Роль и место каждого члена команды определены заранее и известны всем. И какова бы ни была Игра, управляют ею взрослые.

Вот, значит, как организована здесь жизнь! И тот Эндер Виггин, он стоит в Игре на самой вершине, имея в ней наиболее высокий рейтинг!

А Боб чем-то напоминает этим ребятам Эндера.

Он ощутил нечто похожее на гордость, но одновременно пришло и раздражение. Лучше оставаться незамеченным. А поскольку какой-то мальчик справился со своими делами блестяще и все, кто видел Боба, сразу вспоминают об Эндере, то это выделяет Боба среди остальных детей, привлекает к нему внимание. Такая ситуация может значительно осложнить положение. Она лишает его возможности исчезнуть из виду, подобно тому как он скрывался в толпе на улицах Роттердама.

Ладно, черт с ними! Никто из них не способен причинить ему настоящий вред. Что бы там ни случилось, но, пока он в Боевой школе, ему никогда не придется голодать. У него всегда будет крыша над головой, да и крыша эта находится не где-нибудь – в небесах! А все, что требуется от него, – это выполнять определенный минимум заданий, необходимый, чтобы не быть слишком скоро сосланным обратно на Землю. Так стоит ли беспокоиться по поводу того, замечают его другие люди или нет? Да какая разница! Пусть их лучше беспокоит собственный рейтинг в Игре. Боб уже выиграл свою битву за выживание, а если говорить по правде, то все остальное в сравнении с этим гроша ломаного не стоит.

Но даже в ту минуту, когда Боб думал так, он уже понимал, что не прав. Потому что ему было дело до всего этого.

Выжить – это еще не все. И так было всегда. Где-то, еще глубже, чем страстное желание насытить физический голод, лежало желание порядка, желание знать, как и что организовано, желание понять, как устроен мир, в котором он живет.

Когда Боб подыхал от голода, то, конечно, все свои знания он употреблял на то, чтобы, к примеру, внедриться в кодлу Проныры, сделать так, чтобы ее банда получила больше еды и чтобы какие-то капли этого изобилия просочились к нему, к Бобу, находящемуся на самом дне общественной иерархии. Но даже когда Ахилл объединил их в семью и еда стала перепадать почти каждый день, Боб продолжал держаться настороже, стараясь постигнуть характер этих изменений и динамику группы. Даже живя у сестры Карлотты, он тратил много сил, чтобы уяснить, как и почему она обладает властью и силой делать для него то, что она делает, и почему она выбрала именно его – Боба? Он должен был знать. Он обязан был держать в уме четкую картину всего, что происходит вокруг него.

Вот и здесь то же самое. Он мог вернуться в свою казарму и хорошенько выспаться. А вместо этого он, рискуя нарваться на серьезные неприятности, вынюхивает вещи, которые, вообще-то говоря, без труда узнает в процессе обучения.

«Ну зачем я сюда залез? Чего я ищущу?»

Ключ. Мир полон запертых дверей, и он хочет иметь в кармане ключи ко всем запертым дверям!

Боб остановился и прислушался. Комната была пуста. Тишина. Почти тишина, ибо откуда-то доносился слабый шум – тихое отдаленное шипение и легкое постукивание. Эти звуки Боб слышал только здесь, в других помещениях их не было.

Он зажмурился и по слуху определил местонахождение источника этих звуков, этого тихого шелеста. Потом раскрыл глаза и пошел в том направлении. Зарешеченное вентиляционное отверстие. Через него в комнату поступает слегка согретый воздух, который ощущается как слабенький ветерок. Но звук – шипение – создается не воздушным потоком, проходящим через решетку, это гораздо более отдаленный, гораздо более громкий шум машин, которые снабжают воздухом всю Боевую школу.

Сестра Карлотта говорила ему, что в космосе воздуха нет.

Поэтому там, где живут люди, они держат свои корабли и станции герметически закрытыми, чтобы удержать каждый глоток воздуха, который есть внутри кораблей и станций. И им приходится все время производить обновление этого воздуха, так как кислород, говорила она, потребляется человеком и его запас в воздухе приходится все время пополнять. Вот почему нужна система воздухообеспечения. На корабле она должна быть всюду.

Боб уселся на полу перед вентиляционной решеткой и ощупал ее края. Ни винтов, ни гвоздей, крепящих ее к стене, он не обнаружил. Ему вскоре удалось поддеть ногтями край решетки и даже просунуть туда самые кончики пальцев. Он начал расшатывать решетку, чуть-чуть, а потом все сильнее тащить ее на себя. Теперь его пальцы еще крепче вцепились в выдвинутые металлические края. Рывок. Решетка вываливается наружу, а сам Боб летит кувырком.

Он тут же вскочил. Отставил в сторону решетку и попытался заглянуть в вентиляционное отверстие. Его глубина составляла всего лишь около пятнадцати сантиметров. Потолок и задняя стенка глухие, а дно отсутствовало – это и был вход в вентиляционную систему.

Боб рассматривал начало вентиляционного хода так же, как несколькими годами раньше он изучал, стоя на унитазе, непонятное устройство сливного бачка, решая проблему: сможет ли он поместиться в этом бачке. И его заключение было таким же, как и в первом случае: там будет тесно, там будет больно, но поместиться там он все же сумеет.

Боб просунул руку вниз. До дна он не достал. Впрочем, ничего удивительного в этом не было – рука была очень короткая. Взглядом определить направление воздуховода тоже не представлялось возможным. Тогда Боб представил себе воздуховод, идущий прямо под полом, но ему почему-то такой вариант показался маловероятным. Сестра Карлотта говорила, что все строительные материалы доставляются на станцию либо с Земли, либо с заводов на Луне.

Поэтому вряд ли промежутки между полом одной палубы и потолком другой могут быть столь значительными. Кроме того, это привело бы к большому расходу воздуха на заполнение пустот, где нет никого, кто бы мог его потреблять. Нет, воздуховоды должны располагаться на внутренней стороне внешних стен станции, и они вряд ли имеют диаметр больше пятнадцати сантиметров.

Боб снова зажмурился и постарался представить себе систему воздухообеспечения. Машины, которые производят теплый воздух и закачивают его в узкие трубопроводы, которые разносят по всем помещениям станции пригодный для дыхания воздух.

Нет, не получается. Такая система не сработает. Должно быть устройство, которое закачивает свежий воздух и выкачивает отработанный. И если закачивание воздуха в помещения происходит по трубам, идущим по внешним стенкам станции, то система его откачки должна находиться?.. В коридорах!

Боб вскочил и подбежал к дверям игровой комнаты. Точно! Потолок в коридоре был по меньшей мере сантиметров на двадцать ниже, чем в игровой. Но вентиляционных отверстий не видно. Только светильники.

Он вернулся в игровую и опять посмотрел вверх. Вдоль верхнего края стены, смежной с коридором, шла узкая вентиляционная решетка, которая смотрелась скорее как декорация, нежели как деталь системы воздухообеспечения. Ширина решетки всего три сантиметра. Даже Боб через такую не пролезет.

Боб вернулся к снятой решетке и сбросил ботинки. Нет смысла висеть в трубе только потому, что его ступни больше, чем хотелось бы.

Боб еще раз осмотрел отверстие и с большим трудом ввел туда ступни ног. Всячески извиваясь, умудрился просунуть вниз и ноги, тогда как ягодицы оказались на краю передней камеры. И все равно ступни до дна не достигали. Плохой знак. Что, если он рухнет вниз прямо на установленные там машины?

Извиваясь, он выбрался наружу, но тут же попытался снова проникнуть в вентиляционный ход, несколько изменив положение тела. Так было труднее и куда болезненнее, но зато руки приносили больше пользы, давая возможность Бобу крепче ухватиться за край пола, тогда как сам он уже по грудь опустился в глубину.

Ступни коснулись дна!

Пользуясь большими пальцами ног, Боб ощупал его. Да, труба и в самом деле тянулась вправо и влево вдоль внешней стены комнаты. Отверстие оказалось достаточным, чтобы он мог полностью соскользнуть вниз, а потом ползком, на боку, проникнуть из комнаты в комнату.

На сегодня хватит. Он подпрыгнул и раскинул руки, рассчитывая, что сила трения поможет ему преодолеть подъем.

Однако он опять соскользнул вниз.

Ладно. Кто-нибудь придет же его искать. А может быть, его обнаружит следующая группа ребят, которая зайдет в игровую поиграть, хотя он совсем не желал, чтобы именно они нашли его. Важно другое: воздуховоды дают ему лишь альтернативный путь из комнаты в комнату через всю станцию, но и то только в том случае, если он сумеет открывать решетки вентиляционных отверстий. Он представил себе, как кто-то открывает такую решетку и обнаруживает там череп, который тарасит пустые глазницы. Тело Боба, конечно, высохнет в потоках теплого воздуха, там, где он умрет от голода или жажды, тщетно пытаясь покинуть вентиляционную систему станции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.